

Моя первая книга

Письмо с фронта

Рассказы о Великой Отечественной войне

БЕЛЫЙ ГОРОД

*Посвящается защитникам
Родины, победившим
фашистскую Германию
в Великой Отечественной войне*

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по
печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой
программы «Культура России»*

Анатолий Митяев

ПИСЬМО с фронта

Рассказы
о Великой Отечественной войне

БЕЛЫЙ ГОРОД
Москва

Об авторе

А.В. Митяев (родился
12 мая 1924 года)

Дорогие мальчики и девочки, мои читатели и читательницы!

О Великой Отечественной войне Советского Союза с фашистской Германией написано множество книг — целая гора. Вы будете расти, вашим чтением станут толстые романы, исследования историков. А книга «Письмо с фронта» — только начало бесконечного рассказа о трудном пути советских воинов к великой Победе. Для чтения выбирайте хорошие книги. Хорошие написаны с любовью к России.

Чем примечательным для нашей семьи началась война? Мы жили в подмосковном посёлке, ещё очень и очень далёком от фронта. Но получили повестку военкомата — отдать для нужд Красной Армии овчарку Джека. Джек был озорной и драчливый. До места сбора в городе Пушкино я решил добираться пешком: не известно было, как бы вел себя Джек в вагоне электрички. Мы немного запоздали. К забору, окружавшему военкомат, было привязано много собак. Не вцепится ли в какую Джек? Но он был тих. И удивительно: собаки, оставленные хозяевами, не лаяли, не скулили. Чувствовали грозную перемену в жизни на земле.

Люди-то знали — идёт война, страшное народное бедствие. Фашисты уже заняли Австрию, Чехословакию, Польшу, Францию, Бельгию, Данию, Норвегию. Вместе с Германией шли на нас Италия, Венгрия, Болгария, Румыния, Финляндия.

По дороге домой я думал о будущей службе Джека. Охранять боеприпасы, идти по следу врага, доставлять донесения, искать на поле боя раненых? Была у собак и смертельная служба — с миной, закреплённой на спине, бросаться под немецкий танк и взрывать его. В ту тяжкую пору и люди, обвязавшись гранатами, бросались под танки — лишь бы остановить врага.

Призвали в армию отца Василия Харитоновича. Он был в команде санитарного поезда — чего беспокоиться. Но ведь война. В бою под Воронежем был ранен осколками немецкой гранаты. Залечивал раны в своем поезде.

Мой возраст ещё не призывали. С одноклассником Борисом Михайловым решили пойти в добровольцы. Немцы уже начали наступление на Сталинград. Остаться дома было стыдно. В то время Красная Армия получала новое ракетное оружие — мощнее «катюш». Солдаты называли его «ванушей», «старшиной фронта». Я и Борис стали орудийными номерами 513-го Отдельного гвардейского минометного дивизиона. На третий день пребывания в армии уже были на фронте. Что было со мной в четвёртый день, описано в рассказе «Письмо с фронта». (Действующим лицам рассказов я дал имена солдат нашего взвода — в память о фронтовой дружбе.)

Страшно ли на войне? Временами страшно и постоянно тяжело. За два года фронта я лишь два раза ночевал в настоящем доме. Наспех вырытая землянка, просто ямка, накрытая плащ-палаткой, — вот и жилище в любую погоду. При этом у тебя должны быть силы, чтобы по неожиданному приказу расставить на огневой позиции пусковые станки, поднести и закрепить на них стокилограммовые ракеты и так шарахнуть по немцам, что от врага останутся рожки да ножки.

Вернёмся к рассказам. Сгоревшие деревни, собаки, как мой Джек, везущие в санях-лодочке раненого, атакующие танки, бой самолётов в небе и, к концу войны, километровые колонны пленных немцев — всё это я видел своими глазами. Многое слышал от товарищей. По собственному опыту знаю, как возвращается сознание к контуженному солдату, пролежавшему без памяти ночь в снегу. Горько было хоронить товарищей, командиров нашего взвода Юру Родионова, потом Толю Кузнецова (они были старше нас с Борисом всего на два года). А мы с Борисом Михайловым остались живы. Героических дел за нами не числится, но за товарищей не прятались. Оба вернулись с войны с медалями «За отвагу». Нынче с рассказами для вас, ребята, я как бы продолжаю службу Отечеству, начатую так давно.

А. Митяев

Содержание

Шестой — неполный	11
Куриная слепота	25
Тёплый «язык»	35
Тимофей Беспраздничный	55
Гвардии медвежонок	65
Мешок овсянки	77
Треугольное письмо	85
Отпуск на четыре часа	93
Носов и Назе	105
Лошади	115
Серьги для ослика	123
Иван и фрицы	135

Марат Самсонов. В боях за отчизну

Шестой — неполный

Войны ещё не было. Но предвоенный год уже начался. Предчувствуя грозное время, рабочие на заводах делали танки и орудия; в пекарнях для солдат сушили ржаные сухари, а в школах мальчишки и девчонки учились перевязывать раненых.

В те дни Саша Ефремов выбирал себе работу. Он кончил учиться в школе, и ему надо было за что-то браться.

«Пусть будет у нас много оружия, — рассуждал Саша, — много продовольствия и много лекарств для раненых, но разве победим мы врага, если у нас будет мало командиров? Пойду я в военное училище».

Он так и сделал: поступил в училище, где учили на командиров-артиллеристов.

Саша был маленького роста. Многие считали, что с таким ростом нельзя быть командиром. Даже Сашина мама, когда собирала сына в училище, сказала:

— Ты подумай ещё раз. Может быть, тебе какое-нибудь другое дело выбрать? Уж очень ты мал.

В училище Саше не могли найти гимнастёрку по росту. Переменил он их множество, но каждый раз рукава были

ниже пальцев. Новые Сашины друзья за час обмундировались с головы до ног: надели пилотки, гимнастёрки, брюки, кирзовые сапоги. А Саше пришлось ещё день носить свою гражданскую одежду, пока училищный портной не укоротил гимнастёрку и не перешил брюки.

Этот день показался Саше длинным, как неделя. Его отделение маршировало по плацу, чистило пушку, изучало устройство винтовки, метало гранаты, а он в это время сидел в казарме. Ведь в кепке, вельветовой курточке, брюках на выпуск и сандалиях нельзя встать в военный строй!

Но вот вечером портной принёс форму. Саша аккуратно сложил её на тумбочке и спокойно уснул.

Утром нового дня по сигналу «Подъём!» Саша мигом вскочил с кровати и ровно за две минуты, как полагается военным людям, оделся и стал в строй.

Отделение построилось двумя шеренгами. Справа, на правом фланге, стояли высокорослые, слева, на левом фланге, — те, кто поменьше, и самым крайним был самый маленький Саша.

Командир отделения командовал:

- По порядку номеров рассчитайсь!..
- Первый! Второй! Третий! Четвёртый! Пятый! — выкрикивали курсанты. Очередь дошла до Саши.
- Шестой! — громко крикнул он.
- Отставить! — недовольно командовал командир отделения. — Курсант Ефремов! Вам надо говорить: «Шестой — неполный».

Тут всё отделение захохотало, да так весело и дружно, что маленький Саша покраснел от смущения.

— Отставить смех! — строго скомандовал командир и объяснил, когда добавляется слово «неполный»: у Саши не было пары, за ним никого не было во второй шеренге. — Вот представьте себе, — говорил командир, — ночь, гремит бой, отделению надо перейти на другую позицию. Построились мы, рассчитались по порядку номеров. В темноте никого не видно, только голоса слышны. Чтобы узнать, сколько нас собралось, я последнюю цифру умножу на два, потому что две шеренги. И может случиться, как у нас сейчас: у последнего пары нет. Если он не скажет «неполный», все мы будем думать, что нас на одного больше, чем есть на самом деле. — Командир помолчал немного и, поглядывая на тех, кто смеялся громче других, добавил: — Ни по росту, ни по цвету глаз не определишь, у кого сердце настоящего командира. Это только в бою видно.

Николай Присекин. *Отомстим, сынок*

Леонид Голованов. Плакат «Всегда в готовности»

Дни военного 1941 года шли один за другим. Настало лето. В садах наливалась соком вишня. У скворцов подрастали птенцы. Цвела пшеница, и, когда дул ветер, над зелёно-синими полями летели облачка жёлтой пылицы.

Саша Ефремов и его товарищи жили теперь в брезентовых палатках на опушке леса — в военном лагере. Курсанты поднимались на заре и учились артиллерийскому делу до тёмной ночи. Артиллерийская наука мудрёная. Времени же до начала войны оставалось совсем мало.

И вот война началась. Все курсанты училища, и Саша тоже, в тот же день подали рапорты начальнику училища. В рапортах они просили отправить их на фронт, чтобы сражаться с фашистами. Начальник не обрадовался, но и не рассердился. Он созвал курсантов и сказал, что их время ещё не подошло. Бои с врагом ведут обученные части, а курсантам ещё надо учиться.

— Все рапорты я возвращаю, — сказал старый командир. — Между прочим, мой рапорт командование тоже вернуло мне. Подождём месяца три-четыре. Закончим учебную программу, тогда и повоюем.

Однако ждать пришлось совсем мало. Немецкие танки и мотопехота прорвали нашу оборону и прошли в наш тыл.

Сначала на близкий теперь фронт уехали из училища тракторы-тягачи. Их отдали артиллерийскому полку, машины которого были подбиты в бою. А потом пришёл приказ выступить на фронт всему училищу.

В августе ночи тёмные. Правда, небо всё в звёздах, но на земле ничего не видно — одна чернота. В такую ночь Саша с товарищами выступил на фронт. Пушки везли на лошадях. И снаряды на лошадях. Поскрипывали колёса повозок, лошади фыркали, и больше никаких звуков не было. Редкие команды отдавались вполголоса. Где-то очень близко затаился враг.

Михаил Ананьев. *Бой курсантов на Минском шоссе*

Саша шагал за повозкой, которую тащил конь Зайчик. В мирное время серый Зайчик возил капусту и картошку на курсантскую кухню. Теперь он вёз снаряды на фронт. Его хозяином, или, как говорят в армии, ездовым, был Саша, Саша-то готовился стрелять по фашистским танкам из пушки, а ему приказали возить снаряды.

«Всё из-за роста!» — думал Саша.

Военный человек не имеет права долго огорчаться. Приказ есть приказ, и его надо выполнять. Саша понемногу успокоился. Без снаряда танка не подобиёшь — значит, его дело тоже важное. А конь ему достался просто замечательный: старательный, понятливый, вовсе не трусливый. Когда низко над колонной пролетел фашистский самолёт-разведчик, другие лошади рванулись с дороги к обочинам, а Зайчик как шёл, так и продолжал идти.

Перед самым рассветом курсанты подошли к фронту. Они поставили на место пушки, принялись копать укрытия. Товарищи помогли Саше снять снаряды с повозки.

И он на Зайчике отправился за новым грузом. Ехать надо было к железной дороге, где она проходит через лес. Ночью паровоз подтащил в то место вагоны со снарядами, патронами и гранатами.

Николай Присекин. *Лихолетье*

К вагонам съехалось много грузовиков и повозок из других частей. Пока не рассвело, пока не налетели фашистские бомбардировщики, надо было увезти весь боезапас. Саша нагрузил свою повозку, похлопал Зайчика по шее, и Зайчик тронулся в обратный путь.

Как только солнце поднялось над краем земли, началось сражение. В одну минуту утренняя тишина сменилась грозным грохотом. Гудели и земля, и небо. В небе шли самолёты — то чужие, то наши. На земле громыхали танки, взрывались бомбы и снаряды. В орудийном грохоте Саша различал голоса своих противотанковых пушек. Они били отрывисто, с сухим звоном...

— Стреляйте, стреляйте, голубушки! — шептал Саша, будто пушки были живыми существами и могли услышать его. — Стреляйте, не жалейте снарядов. Мы с Зайчиком привезём вам, сколько надо.

Дмитрий Обозненко. Первые дни войны. Лето 1941

Саша и Зайчик проехали лес. Начали спускаться в ложбину, чтобы потом подняться на бугор: за бугром и стояли пушки. До них оставалось километра два, не больше.

В ложбине было сыро. Колёса, окованные железными полосками, глубоко вдавливались в землю. Чтобы помочь Зайчику, Саша сзади налегал плечом на повозку. Верно, поэтому он увидел фашистских автоматчиков только, когда те с разных сторон открыли стрельбу. Это были вражеские разведчики. Саша отбежал от повозки, лёг за кочку и стал стрелять из своего карабина — винтовки с коротким стволом. Он стрелял туда, откуда раздавались автоматные очереди, но скоро у него кончились патроны.

Враги ждали этого. Они хотели взять Сашу в плен. Автоматчиков было десять. Они сразу поднялись из травы и со всех сторон двинулись к повозке. В серо-зелёных мундирах с засученными рукавами, в касках — из-под них смотрели словно не человеческие, стеклянные глаза.

— Рус! Плен, плен! — кричал один фашист. Саша тоже поднялся с земли, подошёл к повозке. Он был совсем спокоен — паренёк-командир, у которого не было войска, а был только Зайчик.

Саша выпряг Зайчика, замотал повод уздечки, чтобы он не волочился по земле и чтобы конь не наступил на него, погладил Зайчика по шее, потом хлопнул ладонью по крупу и тихо проговорил:

— Беги, Зайчик...

Конь переступил на месте, но не двинулся. Он чувствовал, что пришла беда. Уши его насторожённо поворачивались, тёплые ноздри втягивали луговой воздух, к запаху которого примешивался запах врага.

— Да беги же!.. — прошептал Саша.

И Зайчик побежал. Он пробежал недалеко от немца. Тот повёл автоматом в сторону лошади, но не выстрелил: то ли пожалел, то ли потому, что Зайчик вдруг остановился. Конь повернул голову и смотрел на своего ездового, будто звал его бежать вместе на бугор, к своим пушкам.

А Саша, распорядившись конём, должен был распорядиться теперь армейским имуществом: снарядами, повозкой, карабином. И собой он должен был распорядиться. Как и полагается командиру, он принял решение мгновенно. Это решение сделало бы честь любому артиллеристу, у которого перед лицом врага не было пушки, а были только снаряды.

Фашисты, все десять, уже подошли к Саше. Когда их руки готовы были схватить артиллериста, он поднял над повозкой снаряд и ударил им по другим снарядам.

Тысячи осколков засвистели над травами. Подхлестнутый этим свистом, Зайчик поскакал по лугу. От быстрого бега вокруг Зайчика образовался ветер. Ветер развеивал гриву

и хвост, бил в глаза и ноздри. Ветер пахнул пороховым дымом, раскалённым железом, сгоревшей землёй. Этот запах шёл от бугра, за которым били пушки. Он шёл и из ложбины, где славно закончил свой первый и последний бой артиллерийский командир.

Анатолий Кияйкин

*Последняя архивная справка
о без вести пропавшем*

Петр Кривоногов. Защитники Брестской крепости

Куриная слепота

Митин товарищ ефрейтор Савкин взял в плен танкиста. Савкин лежал под фашистским танком, подбитым на ничейной полосе, наблюдал в бинокль, откуда бьют вражеские пулемёты. В это время фашист и приполз к танку. Видно, хотел узнать, какие повреждения у машины, чтобы потом увезти её к себе. Ефрейтор подпустил фашиста метров на десять, отбросил стволом автомата маскировку и сказал: «Хенде хох!»¹ Немец метнулся было в сторону, но тут же сообразил, что бежать бесполезно, и, стоя на коленях, поднял руки.

Савкин привёл пленного в расположение дивизиона. Командир похвалил ефрейтора, порадовался его удаче и приказал доставить немца на допрос в штаб бригады. Савкин под танком лежал весь день с утра, промёрз, проголодался. Дальше вести пленного поручили Мите Корневу.

До штаба было километра три. Дорога шла лесом.

Митя шагал за фашистом. Ствол Митиногo автомата смотрел в спину врага. А глаза Мити смотрели на природу. На-

¹ Руки вверх! (нем.)

чиналась весна. Зелени, правда, ещё не было, но и снега уже не было. Берёзы стояли тихие, торжественные — ждали встречи с настоящим теплом. Митя сорвал почку. Коричневая почка была как бы опутана зелёной ниткой. Это чешуйки начали расходиться, потихоньку освобождая листок.

Наступили сумерки. Похолодало. Берёзы стали строгие, почти зимние. Сумерки сгущались быстро, словно спешили спрятать деревья от заморозка. До штаба бригады было ещё далеко, как вдруг всё затянулось тёмной мглой. Ничего не стало видно: ни пленного, ни белых берёз. «Странный вечер», — подумал Митя и споткнулся о кочку. Он потёр глаза ладонью, но на них будто была пелена.

Слух Мити напрягся. Он услышал гулкие удары сердца в груди. И ещё услышал, как шагает немец, тыча сапогами в сырую дорогу. Шаги были мерные, без сбоя. «Значит, — подумал Митя, — немец видит, куда наступает. Он не спо-

тыкается, как я. Что же у меня с глазами? Неужели ослеп? Это куриная слепота наступила».

Митя испугался. Ему вспомнились солдаты, у которых была куриная слепота. Днём они видели хорошо. А как заходило солнце, их собирали из окопов, с огневых позиций, и они, беспомощные, держа друг друга за хлястики шинелей, шли за зрячим солдатом-поводырём. Шли подальше от передовой, в безопасное место. Ночью они не могли воевать.

Тревожные мысли пронеслись в Митиной голове.

«Если фашист убежит, что скажу командиру? Ладно — убежит, а если убьёт кого-нибудь нашего по дороге, взорвёт что-нибудь? Приказать ему лечь? И ждать, когда кто-нибудь пойдёт по дороге? Фашист может догадаться, что я не вижу».

Николай Бут, Геннадий Севостьянов, Виктор Щербаков
«Огненная дуга»

Тут — то ли дорога стала твёрже, то ли пленный ушёл далеко — шаги стали едва различимы. Митя прибавил скорости, заспешил, нога попала в яму, и он чуть не упал. Тогда, с досады или с отчаяния, Митя неожиданно для самого себя вдруг крикнул:

— Капут Гитлер?²

— Гитлер капут³, — согласился вблизи немец. Голос у него был спокойный.

«Не догадывается, — понял Митя. — Пока не догадывается».

Шагов через пятьдесят Митя опять спросил:

— Капут Гитлер?

— Гитлер капут, — отозвался немец. На этот раз сердито: дескать, что спрашивать, и так всё ясно.

² Конец Гитлеру? (нем.)

³ Гитлеру конец (нем.).

Мите стало как-то неловко, вроде бы стыдно за такой однообразный несерьёзный разговор. Но других немецких слов он не знал и скоро опять задал надоевший пленному вопрос. Что было делать? По голосу пленного Митя определял, где тот находится, и проверял себя — не сбивается ли с дороги. Когда Митя, проглотив слюну, снова приготовился к вопросу, немец сам высокомерным тоном сказал:

— Капут, капут. Гитлер капут.

Он решил, что молодой конвоир, по виду совсем подросток, таким глупым образом со скуки развлекает себя.

«Считай себя умным, меня считай глупым, — думал Митя, — я потерплю». Новая забота одолевала его — не пройти штаб бригады. Штаб располагался в лесу метрах в двухстах от основной дороги. Как найти развилку?

На счастье, у развилки на ночь выставляли патрульных. Когда раздался окрик: «Стой, кто идёт?» — Митя даже вздрогнул от радости.

Виктор Дмитриевский. *На привале*

Борис Неменский. *Дыхание весны*

— Свои! — закричал он. Тут же поправился: — Свой и немец! — И заговорил горячо, торопливо, боясь, что патрульный не дослушает, уйдёт: — Пленного в штаб веду. А глаза не видят. Ты уж проводи нас. Боюсь упустить фашиста, побежит — мне не видно. Куриная слепота у меня.

— Ясно, — сказал патрульный. — А я-то думаю: чего это идут двое и один орёт как заводной: «Гитлер капут!»?

Патрульный взял Митю за руку, сказал пленному:

— Дуй вперёд! — да с такой интонацией, что фашист его понял, и все трое зашагали к штабу.

Утром Митя опять стал видеть хорошо. Он пришёл в свой дивизион, когда начинался завтрак. На этот раз у походной кухни рядом с поваром стоял санитарный инструктор. И прежде надо было протянуть ему ложку, а потом уже котелок повару. Санитарный инструктор каждому наливал в ложку густую жидкость из бутылки и требовал, чтобы артиллерист её тут же пил.

— Что это такое? — спросил Митя, когда подошла его очередь. — Рыбий жир? Рыбий жир я не люблю, — стал он отказываться.

— Пейте, Корнев, без разговоров, — рассердился санитарный инструктор. — Если бы я раньше начал давать вам это лекарство, не пришлось бы вчера маяться с пленным. У вас в организме нет нужного витамина, вот и нарушилось зрение.

Митя выпил, облизал ложку.

— Спасибо, — сказал он инструктору.

— На здоровье! — ответил тот.

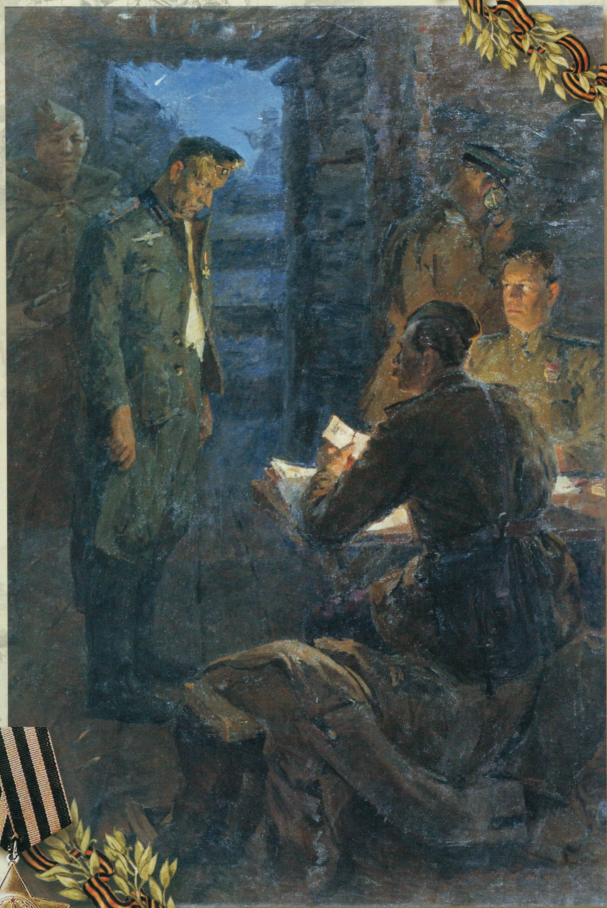
И правда, Митя Корнев через несколько дней стал здоров. Он мог сражаться с фашистами не только днём, но и после захода солнца — в любое время суток.

Александр Самсонов. Парад 1941 года

Тёплый «язык»

На военном языке «язык» — это не то, что есть у каждого во рту, а пленный, который много знает о своих войсках. Ни один хороший командир не начнёт наступление, пока не допросит «языка», не узнает от него, сколько солдат у неприятеля, сколько танков, где стоят пушки, пулемёты, что неприятель готовится делать. Вот наш генерал прежде, чем повести дивизию в атаку, и приказал достать «языка». Для такого важного дела дал он разведчикам неделю срока.

А фашисты загородили свои позиции колючей проволокой. В снегу мины закопали. На проволоке развесили пустые консервные банки и бутылки. Чуть коснётся кто проволоки — поднимется звон. И тогда вспыхивают в небе осветительные ракеты, а в то место, где звон раздался, летят фашистские пули. Двоих разведчиков ранило. Неделя подходила к концу, но «языка» разведчики не достали.

Похудели разведчики от заботы, ходят хмурые, всё ломают головы, как достать фашиста — «языка». И вот один, звали его Серёжа Скороходов, придумал. Он сам так обрадовался этому, что крикнул во весь голос:

Марат Самсонов. *Разведчики*

— Придумал!

Хотя кричать в его положении было нельзя. Скороходов лежал в снегу перед немецкими позициями и разглядывал их в бинокль. Немцы услышали крик, зимняя ночь осветилась огнём ракет, наполнилась треском автоматов и пулёмётов.

— Пугайте, пугайте, — проговорил Серёжа, на этот раз шёпотом, и пополз к своей траншее.

Скоро он был в землянке разведчиков. Рассказав о своём плане, он улёгся спать. Спал Скороходов крепко и долго — до позднего утра. Товарищи не будили его. Принесли завтрак в котелке, на печурку поставили, чтобы не остыл. Солдату надо было набраться сил. Предстояла ему тяжёлая работа.

Днём Скороходова вызвал генерал.

— Ну-ка, Расскажи поподробнее, что ты удумал? — сказал он. — Где ты перейдёшь к немцам?

— Поползу я, товарищ генерал, по шоссе, — ответил Скороходов, — по самой сединочке.

— Так тебя же подстрелят, как воробья! — рассердился генерал. — Разве не знаешь, что дорога с обеих сторон простреливается из пулемётов?

— Погодите, товарищ генерал, не сердитесь! Мне бы листок да карандаш.

И Скороходов нарисовал рисунок.

— Правильно, — начал объяснять рисунок разведчик. — Из обеих дотов и справа, и слева бьют немцы по шоссе пулемётными очередями. Да только они чуть-чуть просчитались. Не могут они опустить пулемётные стволы низко — мешают амбразуры. И остаётся на самой середине шоссе треугольничек, свободный от пуль. Я их стрельбу три ночи наблюдал. Даже красиво получается, товарищ генерал: пули трассирующие, летят, светятся и, как разноцветные струи, над серединой дороги перекрещиваются. Под этим

Раиса Зенькова. *Разведчики*

перекрестием и проползу. Маленький треугольничек получается, но проползти в нём можно без опасности.

— Хорошо, просто очень хорошо! — восхитился генерал. — А как ты найдёшь ночью в темноте этот безопасный лаз?

— Найду, — успокоил Скороходов генерала, — ползти мне надо мимо кола, рядом с которым висит банка, на той банке ананас нарисован.

— Какой ты молодец! — снова восхитился генерал. На прощание он обнял солдата и пожелал ему счастливого и скорого возвращения.

В дорогу Скороходов оделся тепло. На нём были шапка, телогрейка, ватные штаны, валенки, поверх всего — два белых маскировочных костюма: второй костюм был для немца. Из оружия разведчик взял автомат, пистолет, нож, две гранаты и ножницы, чтобы резать проволоку. Он не думал долго задерживаться у неприятеля, поэтому из еды сунул в карман только плитку шоколада.

Поздней ночью Скороходов пополз к немцам. Полз он в глубоком снегу, как крот в земле, и подобрался к проволоке незамеченным. Теперь ему надо было найти банку с ананасом. Ночь для разведчика выдалась удобная: не светлая и не тёмная, какая-то серая, издали ничего не видать, а вблизи видно. Но, как ни тарашил глаза Скороходов, не мог найти банку с ананасом. Приметная банка затерялась среди множества банок и бутылок.

На счастье, где-то в стороне что-то встревожило немцев, они выпустили в пасмурное небо осветительную ракету. Скороходов приподнял голову от снега и в белом дрожащем свете увидел прямо перед собой свой ориентир.

«Порядок!» — подумал Скороходов.

Дождавшись, когда догорела ракета, он принялся резать проволоку.

Дул лёгкий ветер. Звуковая сигнализация немцев позвякивала сама собой. Звон банок и бутылок, потревоженных нашим бойцом, невозможно было различить. Прорезав проход и убедившись, что нет в нём мины, разведчик сунул ножницы поглубже в снег и снова пополз.

Фашисты спали в своих блиндажах⁴. Блиндажи были на ночном снегу, как большие сугробы. От этих сугробов тянуло дымом — под слоем снега, земли и брёвен топились печки.

«Сунуть бы в трубу гранату, — подумал в сердцах Скороходов, — сразу бы сон отшибло!»

«Язык» Скороходову всё не попадался. Можно было взять часового в траншее неподалёку от проволочного заграждения. Но часовой много не знает, это «язык» третьесортный. Нужен был офицер.

Время шло уже к утру, когда усилился ветер. Он дул всё резче, и скоро завывала, засвистела метелица.

«Теперь ни один путный фриц носа наружу не высушет», — огорчился Скороходов.

⁴ Блиндаж — углубленное в землю и укрепленное полевое укрытие с накатом для защиты от огня.

Аркадий Пластов. *Утро в дивизионе*

И он терпеливо ждал, зарывшись в снег в стороне от большого сугроба. Под этим сугробом, по предположению разведчика, жило какое-то начальство.

Настало утро. Но темно было по-прежнему, даже темнее. Между землёй и небом носились снежные вихри. Порой казалось, что снег летит не сверху вниз, а с земли на небо. Вьюга разгулялась вовсю. И в это время из блиндажа вышел фашист. Он был по пояс голый, в щегольских галифе и кожаных сапогах. Фашист нагнулся, захватил руками снег, бросил его себе на живот, на грудь, в лицо.

— Сибир-р-р! — кричал фашист в восторге и растирался снегом. — Сибир-р-р! Мор-р-рос-с-с!..

«Знал бы сибирский мороз, не драл бы глотку, — проговорил про себя Скороходов. Разведчик очень рассердился на немца. — Вынесло тебя, полуголого. Что я с тобой, дураком, теперь делать буду? Намаюсь я с тобой. А офицер ты, видать, важный...»

Разведчик кошкой подкрался к фашисту, оглушил его и, сунув ему в рот рукавицу и связав шнуром руки, потащил к дороге.

Ещё готовясь к заданию, изучая карту, Скороходов отметил на дороге у немцев маленький мосток через ложбину. Это было единственное известное разведчику убежище. Мосток находился в полукилометре от блиндажей. Нужно было спешить и спешить. Приятели немца обеспокоятся, что полуголый человек долго стоит на морозе, выглянут наружу, поднимут тревогу. Будь «язык» одетый — другое дело. Одетого можно было сразу тащить к себе. Его долго не хватились бы... Такие мысли мелькали в голове Серёжи Скороходова, пока он, задыхаясь, застревая в глубоком снегу, тащил немца к мостку.

У мостка разведчик, совершенно обессилев, повалился в снег. Так он лежал рядом с пленным какие-то короткие минуты, отдыхал. И, чуть силы стали возвращаться, встал, протолкнул пленного сквозь сугроб под настил и сам на четвереньках заполз туда.

Убежище оказалось довольно вместительным: в нём можно было сидеть. Правда, голова упиралась в обледеневшие брёвна, ноги — в край канавы, но разведчик не замечал этих неудобств.

До светлого времени оставалось совсем немного. Серёжа Скороходов волновался: успеет ли метель замести его следы? Он надеялся, что немцы не будут искать у дороги, тем более под дорогой. Они, вероятнее всего, будут прочёсывать ближний лес. А зимний день короткий, в четыре уже смеркается. Он спокойно дожждётся ночи... Подумав обо всём этом и ещё о том, что будущей ночью немцы станут во все глаза следить за передним краем, Серёжа занялся пленником.

Фашист уже пришёл в себя, тупо смотрел на советского солдата и не мог понять, где он, что с ним случилось. Немец был упитанный, белый, круглоголовый, лет сорока — вдвое старше Серёжи. Да и толще он был, пожалуй, вдвое.

Наш разведчик показал пленному автомат и спросил:

Евгений Данилевский. Диорама «Контрнаступление советских войск под Москвой в декабре 1941 года»

— Ферштеен? Понятно?

Тот закивал головой, показывая, что всё понял.

— Штиль. Тихо, — продолжал разговор Скороходов. — Ты знаешь, что такое штиль на море? Ни ветерка, ни волны... Будешь «штиль» — жив останешься.

Немец опять закивал головой, хотя понял из всей фразы только одно слово.

— Ну вот, договорились, сейчас одеваться будем, — подмигнул ему Серёжа, принимаясь стаскивать с себя маскировочные костюмы. Он положил их около немца, развязал ему руки...

«Язык» уже был синим от холода. Он моментально натянул обе куртки, штанами обмотал голову, как чалмой, и другие штаны накинул на плечи. Глядя немигающими глазами на разведчика, немец медленно вытянул изо рта рукавицу и надел её себе на руку.

Виктор Макеев. *На передовую*

— Ну и нахал! — обругал Серёжа «языка», но рукавицу не стал отбирать, даже дал вторую, зато снова связал ему руки.

Наступил день. На дороге послышались гудение и скрежет. Ехал снегоочиститель. Разведчик вынул обе гранаты и положил их рядом. Немец понял, что если случится сейчас бой, то кончится он и для него самого, и для разведчика одинаково. Обещая не предпринимать никаких действий, пленный шёпотом проговорил:

— Штиль...

— Гут! Хорошо, — ответил тоже шёпотом Серёжа, а сам в тревоге подумал: «Замело ли у дороги следы?»

Снегоочиститель скрёб дорогу над мостком. Брёвна скрипели, с них сыпались ледышки. И тут в убежище вдруг потемнело. Снегоочиститель сбросил в канаву гору снега и совсем завалил вход. «Теперь определённо не найдут», — успокоился разведчик.

Буран наверху не утихал. Немецкие солдаты по пояс в снегу прочёсывали лес. Опасаясь нарваться на автоматную очередь, совали палки под еловые лапы, засыпанные метелью, кричали... У врага никто не сомневался, что офицер похищен русскими разведчиками.

Буран кружил снеговые облака и над нашими позициями, над пушками, над танками, над землянкой разведчиков — товарищей Серёжи Скороходова, над землянкой генерала.

Серёжины товарищи много раз за день выбирались из землянки наружу, подолгу смотрели в сторону немецких позиций. Но что можно было разглядеть, если в десяти шагах всё пропадало в снеговой муке? И генерал тоже выходил, хотя, конечно, как и разведчики, знал, что Серёжа, если сумеет, вернётся только ночью.

В конце дня пленный раздел Серёжу. Нет, ничего опасного для нашего разведчика не случилось. Но пришлось ему отдать немцу свою телогрейку. Хотя немец всё время делал гимнастические упражнения — сгибал и разгибал колени, крутил туловищем, — он всё-таки заоченел так, что Серёжа стал опасаться: доставит ли он «языка» в хорошем состоянии? Когда Серёжа дал немцу телогрейку в обмен на маскировочные куртки, тот показал глазами и на ватные штаны. Офицерские галифе не грели, а немец понял, что он «язык», поэтому разведчик будет беречь его больше, чем самого себя. Из этого обстоятельства немец хотел извлечь наибольшую выгоду.

— А вот этого не хочешь? — показал ему Серёжа фигу. Но внушительной фиги не получилось. Замёрзшие пальцы не гнулись, по всему телу Серёжи пробегала дрожь. По-

том эта дрожь сама собой утихла, будто бы потеплело, стало клонить в дремоту. Серёжа испугался: так ведь замерзают люди зимой. Теперь уже он, а не пленный сидя делал гимнастику, движениями разгонял по жилам остывшую кровь.

Ночью перед выходом из убежища разведчик разломил полам плитку шоколада и одну половинку скормил «языку».

— Ешь, ешь, — приговаривал Серёжа Скороходов, — подкрепляйся. Тащить я тебя не намерен. Своим ходом пойдёшь.

Скороходов надел на пленного маскировочный костюм, а сам остался совсем легко одетым. Но иначе было нельзя. Теперь всё дело состояло в том, чтобы белыми тенями, слившись со снежными вихрями, с курящимися сугробами, проскользнуть через линию фронта.

Борис Щербаков. *Минёры за работой*

Разведчик и «язык» шли в стороне от дороги снежным полем. Немец — впереди, наш — за ним. Вдруг немец остановился и обернулся к разведчику. Сказать он ничего не мог, во рту у него снова была рукавица. Но Серёжа понял, что тот хотел сказать: «Ничего у тебя, Иван, не выйдет. Германские солдаты знают своё дело».

Всё пространство между вражескими и нашими позициями — ничейная полоса — было освещено. Как только начинали угасать одни осветительные ракеты, немцы пускали новые.

«Плохо, — подумал Серёжа. — Надо бы ещё сутки посидеть под мостом. Завтра они не будут так жечь свою иллю-

Иосиф Серебряный. *Партизанский отряд*

минацию. Но разве высидишь ещё день и ночь в такой холод? Или “язык” замёрзнет, или я. И то и другое — плохо. Нужно обоим остаться живыми».

Двое людей — враги друг другу — снова шагали, будто плыли по снежным волнам. А потом Серёжа развязал пленному руки, и они поползли. Когда выползли на дорогу у проволоочных заграждений, «язык» заупрямился. Он смирился со своей участью, однако боялся, что его убьёт своя же, немецкая, пуля. Разведчик погрозил автоматом. Но не автомат испугал фашиста, а Серёжины глаза. Видно их было как днём, потому что осветительные ракеты — «лампы», так их звали наши солдаты, — горели прямо над дорогой. Немец пополз.

— Шнель! Быстрее! — закричал Серёжа Скороходов изо всех сил.

Таиться было бесполезно, немцы заметили две белые фигуры, распластавшиеся в снегу. Из обоих дотов по ним ударили пулемёты.

Серёже Скороходову теперь нужно было направить «языка» в безопасное место, в тот треугольник, где не летели пули. Поменяться местами с «языком», чтобы показать дорогу, он не мог: «язык» был тихий, пока чувствовал автомат за собой. Разведчик стал легонько постукивать его автоматом — то справа, то слева. Немец понял, что у разведчика есть лаз, и слушался.

Пули свистели над самой головой, ветер тоже свистел, и сыпал снег. От ветра, от пуль звенели, звякали банки и бутылки на колючей проволоке.

Но Серёжа никаких звуков не слышал. Все его мысли, вся воля были отданы тому, чтобы преодолеть небольшое уже расстояние, отделявшее от своих.

По суматохе у немцев наши поняли, что разведчик возвращается с задания. И тут артиллеристы, ждавшие этого события с вечера, ударили по фашистским дотам снаряда-

Василий Медведев. *В зимнюю стужу*

Алексей Семенов. *Чуткая тишина*

ми — треугольник треугольником, а так было надёжнее, так было вернее обезопасить путь своему бойцу.

Немцы тоже ударили по дороге из пушки. Грохот взрывов заглушил все другие звуки вьюжной ночи. Мёрзлая земля, разбитая на комья и пыль, взлетала вверх и опускалась на белый снег чёрными кругами. Но было это уже не опасно. «Язык», а следом и разведчик скатились в нашу траншею.

— Вот вам «язык», — сказал Серёжа товарищам-разведчикам, которые встречали его в траншее. — «Язык» тёплый...

Утром Скороходова вызвал генерал. Но Серёжа не мог подняться с топчана в землянке. У него был сильный жар: промёрзнув, он тяжело заболел. Генерал сам пришёл в землянку разведчиков.

— Спасибо! — сказал он Серёже Скороходову. — «Языка» ты достал очень хорошего. Мы и без него знали о противнике много, но он рассказал такое, что было неизвестно.

Фашисты сумели незаметно подтянуть на наш участок танки: нам они здесь здорово помешали бы. А теперь эти танки не страшны. Я уже связался с лёт-

чиками. Пикирующие бомбардировщики перед атакой разобьют их бомбами. Говори, какую награду тебе дать? И не скромничай. Представь, сколько наших бойцов ты уберёг от смерти!..

— Товарищ генерал, пусть меня не отправляют в госпиталь, — попросил Серёжа. — Я тут у своих поправлюсь скорее...

— Нет уж, — ответил генерал, — в госпиталь тебя отправят. Завтра твои товарищи будут далеко от этих мест, не лежать же тебе в землянке одному. Завтра начинаем наступление. А награду я тебе выберу сам.

К генералу подошёл его адъютант со шкатулкой. В шкатулке лежали разные ордена и медали.

— Ты достоин, — сказал генерал, — ордена Отечественной войны, носи его с гордостью.

Серёжа Скороходов взял орден, и генерал, как полагается в таких случаях, пожал ему руку. Серёжина рука была горячая. Генерал долго держал её.

— Ты пей все лекарства, — сказал он. — И горчичники держи подольше. Не боишься горчичников? Ух, и жгут они!

— Не боюсь, — улыбнулся Серёжа Скороходов.

Александр Самсонов. Дорога между жизнью и смертью

Тимофей Беспраздничный

Солдат Тимофей Потапов был артиллеристом. Если говорить точнее, подносчиком снарядов. Снаряды лежат поодаль от пушки, в ровике. Когда начинается стрельба, подносчик берёт снаряд, несёт его к пушке, там передаёт другому солдату — заряжающему, и сам бежит за новым снарядом.

Батарея, в которой служил Тимофей Потапов, стояла на окраине Ленинграда. Фашисты со всех сторон окружили город. Каждый день стреляли по нему. А наши артиллеристы не давали фашистам стрелять. Только фашисты открывали огонь по городу, наши начинали бить по фашистским пушкам. Немецкие артиллеристы убегали в укрытия, и пушки их замолкали. Это написать просто: «Пушки замолкали». Чтобы разогнать фашистов по окопам, нужно было немало отваги и тяжёлой воинской работы.

Вечером 6 ноября, накануне праздника Октябрьской революции, на фронте установилась тишина. Враг не стре-

Исаак Бродский. Демонстрация на Невском проспекте

лял. Не стреляли и мы. Тимофей Потапов и его товарищи поспешили в свой блиндаж отдохнуть. У пушек остались только часовые.

Командир батареи, проверив часовых, спустился в к артиллеристам и приказал всем спать.

— Завтра праздник, — сказал он. — Фашисты, конечно, постараются испортить этот день ленинградцам. Они и не стреляют сейчас потому, что заняты подвозом снарядов, да и пушек ещё подвезут. Но мы должны сделать так, чтобы враг не стрелял по городу. Каждому придётся работать за двоих. Поэтому все ложитесь спать. Копите силы к завтрашнему дню.

Солдаты легли на земляных нарах. Укрылись шинелями. Погасили коптилку. Но не спалось им. Вспомнилось, каким хорошим был этот праздник в мирное время. Один солдат, оказалось, умел играть на флейте. Он рассказал, как играл с оркестром праздничные марши. Другой был до войны электромонтёром, он устраивал в торжественные дни иллюминацию; это очень сложно — украсить город огнями...

Все солдаты по очереди рассказывали о демонстрациях, о праздничных обедах, гуляньях. Только молчал Тимофей Потапов.

— У тебя праздников, что ли, не было? — спросили его товарищи. — Или ты уснул уже?

— Нет, не уснул, — сказал Тимофей Потапов, — праздников у меня не было. Беспраздничный я.

— Тимофей Беспраздничный! — засмеялись солдаты. — Как же может быть такое?

— Может, — ответил Тимофей Потапов. — Я ведь пекарь. Когда вы на демонстрацию ходили, я для вас пёк булки. Вы думаете, на ваш стол в праздник булки с неба падали? Вот этими руками я и тесто месил, и противни в печь ставил.

В темноте не было видно рук пекаря. Но все и так знали, что руки у него сильные, а сам он большой и добрый.

— Испеки нам к празднику по бараночке на брата, — сказал кто-то, — есть ужасно хочется...

— Правду сказать, я свою пекарню каждый раз во сне вижу, — проговорил Тимофей Потапов. — И всё хочу я взять буханку хлеба, и беру её, и отламываю, а как донесу кусок до рта, начинается какой-нибудь другой сон, без продовольствия... Давайте-ка лучше спать. День завтра праздничный. Нам с утра на работу.

Так солдаты и уснули.

Чуть забрезжил рассвет, как артиллеристы были у пушек. Из-за домов появился аэростат. Он был похож на сонного кита, большой, зеленоватый. Аэростат немного покачался над крышами, потом, будто стряхнул с себя сон, быстро пошёл вверх. На нём поднимался наблюдатель — смотреть, откуда будут стрелять фашисты.

Уже совсем было светло. Но фашисты не стреляли.

— Ждут, — сказал комбат артиллеристам. — Ждут, когда ленинградцы из домов на улицы выйдут.

— Ну и мы подождём...

— Началось! — вдруг крикнул комбат, прижимаясь в своём окопчике к телефону.

И без предупреждения все поняли: началось. На немецкой стороне загрохали орудийные выстрелы. В вышине, над головами наших артиллеристов, понеслись к городу снаряды.

Тимофей Потапов стоял в ровике. Он ждал, когда старший артиллерийский командир по телефону сообщит комбату местонахождение вражеской батареи. Тогда даст приказ комбат. И начнётся работа — только поспевай. Надо будет так молотить фашистов, чтобы они не выдержали и полезли в укрытия.

Тимофей Потапов бежал от ровика к пушке, от пушки к ровику. Носил снаряды, отдавал их заряжающему. После выстрела пушка тяжело подпрыгивала на месте, и из неё со звоном вылетала пустая гильза. Работа у артиллеристов шла споро. Они не успели устать ещё, когда комбат приказал прекратить огонь.

— По городу фашисты уже не стреляют, — сказал комбат, и в голосе его была радость. Он стоял в окоп-

чике, прижимая к уху телефонную трубку. — Но теперь держись, ребята! Сейчас фашисты придут в себя, вылезут из укрытий и ударят по нам. Что думает фашистский командир? Он думает вот что: сначала уничтожу русскую батарею. Чтобы не мешала стрелять по городу. Вот, что он думает.

Немецкие снаряды упали на батарею не так густо, как ожидалось. Значит, наши артиллеристы разбили несколько вражеских орудий. От такой удачи все работали у пушек очень хорошо, без страха. А опасность была кругом. То тут, то там грохотали взрывы, взлетала земляная пыль, осколки свистели и со звоном ударялись в станины пушек. К Тимо-

фею Потапову эти страшные звуки доносились словно издалека, он почти не слышал их, потому что все его чувства были сосредоточены на исполнении команд комбата.

Всё шло хорошо. Но вдруг заряжающий не взял снаряд. Он посмотрел на Тимофея Потапова так, словно просил прощения, потом зажал руками живот и медленно повалился на бок.

— Санитара к третьему орудию! — выкрикнул что было сил Тимофей Потапов и сам вложил снаряд в пушку.

Теперь Тимофей Потапов работал за двоих: за себя и заряжающего. От ровика к пушке, от пушки к ровику бегал он, но бегал быстрее, выкраивал секунды, нужные для заряжания пушки.

Непривычная команда: «Все к шестому орудию!» — остановила Тимофея Потапова. И он побежал к шестому орудю, хотя не представлял себе в эту минуту дела более важного, чем носить снаряды.

Шестое орудие лежало на боку. Вражеский снаряд угодил под самое колесо и, взорвавшись, спустил пушку. При этом оглушило командира орудия, наводчика и заря-

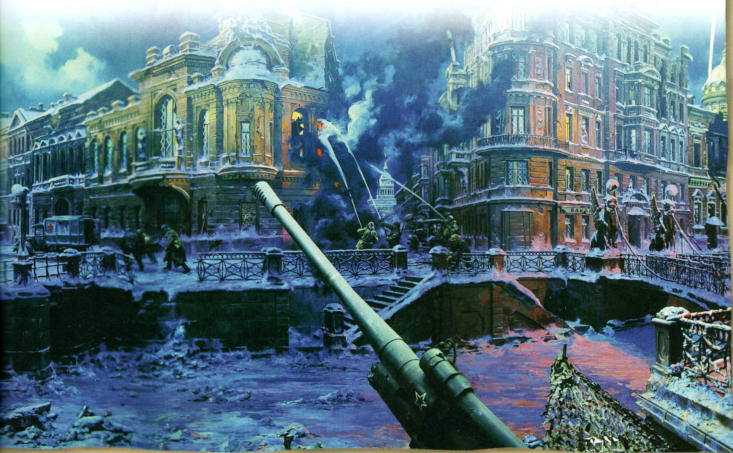
жающего. Все трое ничего не слышали — ни человеческих голосов, ни грохота войны. Тимофей Потапов, трое контуженых, все остальные батарейцы и сам комбат навалились на пушку, страшным напряжением сил подняли ее. Батарея в полном составе — все девять пушек — продолжала бой. Она стреляла по врагу так же часто, как стреляла в самом начале.

И фашистский командир не выдержал. Он решил, что его батарея посылает снаряды мимо цели. «Если бы снаряды попадали в цель, русские не могли бы так спокойно и расчётливо отвечать нам», — рассудил фашист. Он приказал изменить прицел.

Разрывы вражеских снарядов стали понемногу удаляться от наших пушек. Когда подняли они тучи щебёнки на ближнем пустыре, комбат приказал прекратить огонь.

— Пусть думают, что теперь попали в нас, что мы в блиндажи попрятались, — объяснил комбат артиллеристам свою команду и засмеялся.

Евгений Корнеев. *Блокада Ленинграда*

За комбатом засмеялись батарейцы. Смеялся и Тимофей Потапов.

— Ребята! Отставить смех! — крикнул комбат нарочно строгим голосом. — Если мы будем только смеяться, фашисты подумают, что всех нас побили, и, чего доброго, опять ударят по городу. Нам теперь надо показать врагу, будто у нас большие потери. Мы сейчас ответим четырьмя

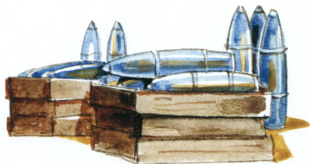

пушками, а потом до самого вечера будем стрелять только из двух.

Наступила осенняя ночь. Стрельба стихла. Ленинградцы справили свой суровый и прекрасный праздник. Фашисты не смогли помешать им. Тысячи артиллеристов, таких, как Тимофей Потапов, приняли удар врага на себя и с честью закончили бой.

Тимофей Потапов после боя два часа отстоял ещё в карауле у пушек. Когда его сменили, он отправился в свой блиндаж. На земляных нарах было просторно: ранило солдата, который умел играть на флейте, ранило и того, который устраивал иллюминацию в праздники. Они были сейчас в госпитале.

Тимофею Потапову снова приснилась пекарня, в которой работал до войны. На этот раз привычный сон — будто он отламывает кусок хлеба, чтобы утолить голод, — не снился. Из-за усталости Тимофей Потапов и наяву-то не стал есть ужин. А снились ему огромные противни, на которых вместо хлебов лежали снаряды. Тимофей Потапов носил противни к печке и совал их в её раскалённое нутро. И было ему страшно, что снаряды на жару взорвутся. Но надо было всю печь наполнить снарядами, и Тимофей Потапов носил и носил их.

Тварики медвежонок

Однажды к лётчикам в истребительный полк приехали гости — колхозники с Севера. Они привезли подарки и стали одаривать своих защитников. Кому досталось полотенце с кружевом, кому бочоночек брусники, кому глиняный расписной олень. А Петру Алексееву достался медвежонок. Зверь был ручной. Он сразу же забрался к лётчику на колени, обнюхал по очереди пряжку на ремне, ордена, погоны и потянулся к пилотке с красной звёздочкой.

Алексеев погладил медвежонка, ссадил на землю. Лётчик немного растерялся: медвежонку нужен уход, присмотр, а когда этим заниматься, если с утра до вечера приходится летать? Может быть, вернуть его деликатно колхозникам?

Медвежонок будто чувствовал, что решается его судьба. Вёл себя он примерно. Во время разговоров лётчиков с колхозниками никуда не лез, никому не мешал. Под конец уснул, прижавшись к унтам Алексеева: унты меховые, тёплые.

«Пусть уж остаётся», — подумал Алексеев. Гости уехали. Тогда Алексеев решил познакомить Мишку с округой. Лётчик потянул за ремешок, привязанный к ошейнику, сказал: «Пошли, Миша!» — и медвежонок послушно потопал рядом

с меховыми унтами. Сначала Мишка побывал в бараке, посмотрел, где живёт его новый друг. Потом вместе с лётчиком спустился в земляную щель, выкопанную на случай бомбёжки. Они там посидели минуты три, поглядывая на синее спокойное небо. К самолёту Мишка отнёсся равнодушно, будто уже сто раз видел его. Наверное, самолёт показался ему автомобилем особой марки. Автомобиль-то медвежонок знал хорошо, на нём он и к лётчикам ехал. Но вот когда заработал мотор истребителя и пропеллер погнал ураганный ветер, Мишка ужасно испугался. В одно мгновение он вскарабкался к лётчику на шею; лез по нему, как по сосне, запуская глубоко острые когти. Маленькие глазки медвежонка были полны страха, хвостик, похожий на лоскут, дрожал мелкой дрожью.

Георгий Нисский. *Самолет в ангаре*

Уже далеко от самолёта, около куста бузины, Алексеев попытался спустить Мишку на траву. Не тут-то было! Медвежонок словно приклеился к лётчику. Пришлось отдирать по очереди все четыре лапы от гимнастёрки. Оказавшись на земле, Мишка неожиданно набрался храбрости и, привстав на задних лапах, оглянулся на самолёт. Самолёт стоял на месте. Не гнался за медвежонком. Мишка успокоился. И куст этот стал для Мишки границей, за которую он впоследствии никогда не заходил. Пространство за кустом принадлежало самолётам — там они гремели, ревели, оттуда прыгали в воздух, а земля перед кустом была Мишкина. Так, видимо, рассудил медвежонок.

Пока Алексеев и Мишка ходили по аэродрому, другие лётчики занялись устройством медвежьих дел. На ве-

щевом складе достали ватное одеяло, постелили его в бараке недалеко от кровати Алексеева. Добыли большой солдатский котелок. Главное же, уговорили командира полка зачислить Мишку на пищевое довольствие. Хоть и маленький был Мишка, но медведь: еда ему требовалась хорошая.

— Как же ёго внести в продуктовую ведомость? — спросил писарь, когда лётчики пришли к нему с медвежоном. — Какое звание писать? Какую фамилию?

— Полк у нас гвардейский, — сказал самый находчивый лётчик, — и ваше звание, товарищ писарь, гвардии старшина, моё — гвардии капитан. А Мишкино будет — гвардии медвежонок. Так и писать надо. Что же касается фамилии, имени, тут совсем просто. Они у всех медведей одинаковые — Михаил Топтыгин.

Стал служить в истребительном полку гвардии медвежонок Михаил Топтыгин. Скоро он перезнакомился со всеми лётчиками, техниками, с охраной аэродрома. И, как оказалось, был всем очень нужен, просто необходим. На войне

человеку бывает тяжело. Гибнут товарищи, в голову приходят печальные мысли. А тут прибежит медвежонок, неуклюжий, круглоухий, с любопытным носом-рыльцем — и все веселеют.

Кто-то приучил Мишку встречать лётчиков после боя. Возвращения самолётов ждут все оставшиеся на земле. Когда подходит время истребителю возвращаться на аэродром, все глядят в небо и радуются, заметив чёрную точку.

Мишка встречал самолёты около своего куста. Он стоял на задних лапах, столбиком. Правую переднюю лапу держал возле уха — отдавал честь. Лётчики, направляясь в штаб для доклада командиру, проходили как раз около Мишки и за такое усердие награждали его сладостями: кто сахаром, кто печеньем, кто кусочком шоколада. В дни, когда истребители часто вступали в бой, Мишка так наедался сладостями, что на котелок с пшённой кашей и не глядел.

Николай Присекин. Диорама «Курская битва»

Других лётчиков Мишка только встречал, Алексева он ещё и провожал в полёт. Они вместе доходили до медвежьей границы. Алексеев чесал медвежонка за ушами и улетал, а Мишка оставался ждать. Словно человек, он смотрел в небо, вздыхал и, не зная, как скоротать время, кружился на одном месте, нюхал траву, копал в сухой земле корешки.

Видел и слышал Мишка лучше людей. Завидев, заслышав истребитель, Мишка от нетерпения и волнения садился на землю и через каждую минуту хлопал себя передними лапами по коленкам. Его блестящий чёрный нос был направлен точно в приближающийся самолёт —

Мишка будто вынюхивал истребитель на расстоянии. Не было предела медвежьей радости, когда Пётр Алексеев подходил к Мишке, давал гостинец и тормозил его, и катал по траве...

Хорошо жилось медвежонку и лётчику!

Только на войне хорошо не бывает долго. Обязательно случится какая-нибудь неприятность, а то и беда. Как-то раз перед вылетом на задание Алексеев прощался с медвежонком. Он приласкал зверёныша и сказал:

— Не скучай без меня, если что...

И улетел.

Пётр Алексеев получил особое задание: высыпать на взлётную полосу немецкого аэродрома металлические шипы. С большой высоты шипы нельзя сбросить, они разлетятся далеко по сторонам. Надо сбрасывать, опустив самолёт почти до самой земли.

Не прячась от немецких наблюдателей, наш лётчик повел самолёт прямо на вражеский аэродром. На подходе к зенитным батареям, охранявшим аэродром, Пётр Алексеев сбавил скорость, снизился и выпустил колёса. Зенитчики удивились, что русский истребитель — целый, не подбитый — идёт на посадку, и не стали стрелять.

Самолёт с красными звёздами тихо летел над вражеским аэродромом. Но вдруг мотор взревел, и самолёт устремился ввысь. Фашисты ударили вдогонку истребителю из пушек, пулемётов. Они поняли, что наш лётчик обманул их, что он вовсе и не собирался садиться. Не могли фашисты понять только, зачем понадобился русскому истребителю такой странный, рискованный полет.

Вениамин Сибирский. *Опасный вылет (Посвящение Егорову)*

Скоро, однако, они разгадали загадку. На бомбёжку вылетели наши бомбардировщики. Их было много, десятков пять. Немецкие истребители покатались по взлётной полосе, чтобы взлететь в небо и напасть на тяжёлые, полные бомб машины. Но их резиновые колёса наезжали на железные шипы и лопались. Истребители падали набок, ломали крылья, перекувыркивались, загорались. Наши бомбардировщики без помехи разбомбили вражеские поезда на железнодорожной станции и благополучно вернулись домой.

А возвращение Петра Алексеева не было благополучным. Зенитный снаряд немцев разорвался рядом с его самолётом. Осколками тяжело ранило лётчика. Алексеев сам сообщил об этом по радио. Он сказал, что самолёт исправен и он надеется довести его до места.

На аэродроме лишь медвежонок не знал о беде. Он с любопытством глядел, как на лётное поле бегут люди с носилками. А потом он увидел среди белых облаков истребитель. Мишка сел на землю и принялся хлопать себя по коленкам.

Виктор Дмитриевский. Диорама «Форсирование Днепра»

Истребитель неловко ткнулся в стороне от посадочного знака, запрыгал по полю, будто оно было изрыто канавами, и остановился. Медвежонок поднялся на задних лапах, приложил к уху переднюю лапу, стал ждать. Он ждал, когда к нему подойдёт его друг, угостит чем-нибудь.

Пётр Алексеев лежал на носилках. Он не видел Мишку, не видел друзей, которые несли его. Сознание оставило лётчика в ту самую минуту, когда истребитель замер посреди поля.

Носилки миновали медвежонка. Мишке было непривычно, что лётчик лежит, и он пошёл за носилками. На задних лапах идти было трудно. Но Мишка упорно ковылял за людьми. И около уха держал лапу. Ему полагался кусочек сахара. Он честно выполнял условие, по которому всегда получал угощение. Так он шёл и шёл, всё больше отставая от носилок, и в глазах его наливались слезы обиды и отчая-

Николай Соломин. *Госпиталь на Академичке*

ния. Хорошо, кто-то из лётчиков догадался сказать Мишке ласковое слово, погладил его, пожалел...

Кончалось лето, когда Пётр Алексеев приехал из госпиталя в полк. Первым делом он доложил командиру полка о возвращении в строй, а вторым делом спросил о медвежонке.

— Жив и здоров твой питомец, — ответил командир. — Сначала грустил, потом успокоился. Теперь, может быть, и не узнает. Он сейчас на своём посту. Дежурит. Сахар зарабатывает.

Алексеев пошёл к медвежонку.

— Мишка! — позвал он издали.

Медвежонок оглянулся. Он глядел и вспоминал этого лётчика. Старался понять, почему приятно слышать его голос, видеть его лицо. Вспомнить и понять мешал Мишке самолёт. Самолёт в это время шёл на посадку, медвежонку, чтобы получить угощение, надлежало быть начеку.

— Мишка! Злодей ты, а не человек! — ещё раз позвал лётчик.

Мишка был на распутье. Один глаз, одно ухо, одна половина медвежонка стремились к самолёту, другой глаз, другое ухо и другая половина — к лётчику. Если бы это было возможно, Мишка разорвался бы пополам и всюду успел бы. Но разорваться по своей воле нельзя. Нужно было выбирать что-то одно. И медвежонок со всех ног кинулся к Петру Алексееву. Чёрным клубком он прокатился по высохшей траве и прямо затанцевал на задних лапах перед лётчиком.

— Ну, молодец! Ну, умник! — радовался Пётр Алексеев и гладил медвежонка, и трепал его жёсткий загривок. — А уж я решил, что ты способен променять друга на кусок сахара. Нет, ты не такой. Ты настоящий гвардейский медведь. А сахар? Подумаешь... Я тебе такое припас...

Тут лётчик достал из кармана куртки банку. Как только была снята с неё крышка, медвежонок обхватил банку всеми четырьмя лапами и принялся за угощение. Мишка урчал от удовольствия. Ещё бы! Первый раз за свою медвежью жизнь он ел мёд.

THE GREAT
SOBETI

Мешок овсянки

В ту осень шли долгие холодные дожди. Земля пропиталась водой, дороги раскисли. На просёлках, увязнув по самые оси в грязи, стояли военные грузовики. С подвозом продовольствия стало очень плохо. В солдатской кухне повар каждый день варил только суп из сухарей: в горячую воду сыпал сухарные крошки и заправлял солью.

В такие-то голодные дни солдат Лукашук нашёл мешок овсянки. Он не искал ничего, просто привалился плечом к стенке траншеи. Глыба сырого песка обвалилась, и все увидели в ямке край зелёного вещевого мешка.

— Ну, и находка! — обрадовались солдаты. — Будет пир горой... Кашу сварим!

Один побежал с ведром за водой, другие стали искать дрова, а третьи уже приготовили ложки.

Но когда удалось раздуть огонь и он уже бился в дно ведра, в траншею прыгнул незнакомый солдат. Был он худой и рыжий. Брови над голубыми глазами тоже рыжие. Ши-

Геннадий Прокопинский. *Солдатский хлеб*

нель выношенная, короткая. На ногах обмотки и растоптанные башмаки.

— Эй, братва! — крикнул он сиплым, простуженным голосом. — Давай мешок сюда! Не клали — не берите.

Он всех просто огорошил своим появлением, и мешок ему отдали сразу.

Да и как было не отдать? По фронтовому закону надо было отдать. Вещевые мешки прятали в траншеях солдаты, когда шли в атаку. Чтобы легче было. Конечно, оставались

мешки и без хозяина: или нельзя было вернуться за ними (это если атака удавалась и надо было гнать фашистов), или погибал солдат. Но раз хозяин пришёл, разговор короткий — отдать.

Солдаты молча наблюдали, как рыжий уносил на плече драгоценный мешок. Только Лукашук не выдержал, съязвил:

— Вон он какой тощий! Это ему дополнительный паёк дали. Пусть лопают. Если не разорвётся, может, потолстеет.

Наступили холода. Выпал снег. Земля смёрзлась, стала твёрдой. Подвоз наладился. Повар варил в кухне на колёсах щи с мясом, гороховый суп с ветчиной. О рыжем солдате и его овсянке все забыли.

Готовилось большое наступление.

По скрытым лесным дорогам, по оврагам шли длинные вереницы пехотных батальонов. Тягачи по ночам тащили к передовой пушки, двигались танки.

Готовился к наступлению и Лукашук с товарищами. Было ещё темно, когда пушки открыли стрельбу. Посветлело — в небе загудели самолёты.

Они бросали бомбы на фашистские блиндажи, стреляли из пулемётов по вражеским траншеям.

Самолёты улетели. Тогда загромыхали танки. За ними бросились в атаку пехотинцы. Лукашук с товарищами тоже бежал и стрелял из автомата. Он кинул гранату в немецкую траншею, хотел кинуть ещё, но не успел: пуля попала ему в грудь. И он упал. Лукашук лежал в снегу и не чувствовал, что снег холодный. Прошло какое-то время, и он перестал слышать грохот боя. Потом свет перестал видеть — ему казалось, что наступила тёмная тихая ночь.

Когда Лукашук пришёл в сознание, он увидел санитаря. Санитар перевязал рану, положил Лукашука в лодочку — такие фанерные саночки. Саночки заскользили, заколыхались по снегу. От этого тихого колыхания у Лукашука стала кружиться голова. А он не хотел, чтобы голова кружилась, — он хотел вспомнить, где видел этого санитаря, рыжего и худого, в выношенной шинели.

Виктор Дмитриевский. *Горячий снег*

— Держись, браток! Не робей — жить будешь!.. — слышал он слова санитара.

Чудилось Лукашуку, что он давно знает этот голос. Но, где и когда слышал его раньше, вспомнить уже не мог.

В сознание Лукашук снова пришёл, когда его перекладывали из лодочки на носилки, чтобы отнести в большую палатку под соснами: тут, в лесу, военный доктор вытаскивал у раненых пули и осколки.

Лёжа на носилках, Лукашук увидел саночки-лодку, на которых его везли до госпиталя. К саночкам

ремёнными постромками были привязаны три собаки. Они лежали в снегу. На шерсти намёрзли сосульки. Морды обросли инеем, глаза у собак были полузакрыты.

К собакам подошёл санитар. В руках у него была каска, полная овсяной болтушки. От неё валил пар. Санитар воткнул каску в снег постудить — собакам вредно горячее. Санитар был худой и рыжий. И тут Лукашук вспомнил, где видел его. Это же он тогда прыгнул в траншею и забрал у них мешок овсянки.

Лукашук одними губами улыбнулся санитару и, кашляя и задыхаясь, проговорил:

— А ты, рыжий, так и не потолстел. Один слопал мешок овсянки, а всё худой.

Санитар тоже улыбнулся и, погладив ближнюю собаку, ответил:

— Овсянку-то они съели. Зато довезли тебя в срок. А я тебя сразу узнал. Как увидал в снегу, так и узнал... — И добавил убеждённо: — Жить будешь! Не робей!

Виктор Дмитриевский. Сталинградская переправа

Треугольное письмо

Дивизион тяжёлых гвардейских миномётов до нового приказа остановился в дубовом лесочке. Дубрава была молодая, деревца негустые, скопление машин могли заметить вражеские бомбардировщики. Поэтому миномётчики сразу принялись копать укрытия для автомобилей и маскировать их ветками. Кончили работу поздно вечером. Было ещё видно, и солдат Борис Михайлов взялся за письмо. Он старался писать почаще, знал: мама тревожится о нём каждый день и каждый час.

«Милая мамочка! — писал Борис. — Я жив-здоров. Кормят сытно. Погода тёплая. Стоим в лесу. Обо мне не беспокойся. Мы сейчас отдыхаем. Крепко обнимаю и крепко-крепко целую. Твой Боря».

Конверта у Бориса не было. В войну многого не хватало. Хлеба, например, соли. И такой простой вещи, как конверты. Без них-то научились обходиться... Борис согнул бумажный лист по верхнему углу — получился косой парус, парус согнул — получился домик с крышей; нижние углы

Виктор Дмитриевский. *Письмо из 41-го*

домика тоже согнул и заправил под крышу — получился треугольник, письмо и конверт вместе... Идти к писарю, который отправлял почту, было поздно. Борис положил письмо в карман гимнастёрки — до утра, лёг на шинели под кустиком, укутался с головой, чтобы не кусали комары, и сон сразу пришёл к нему.

Был сон короткий. Едва забрезжил рассвет, дивизион подняли по тревоге.

Колонна машин с пусковыми станками и эрэсами — реактивными снарядами, покинув дубраву, двигалась чистым полем. Позади колонны всходило

солнце. Большое, красное. Пыль закрыла его. Но солнце поднялось выше пыльного облака, будто хотело посмотреть, куда едут гвардейские миномётчики.

Впереди была линия фронта. Оттуда, из-за этой линии, прилетел снаряд. Борис в кабине грузовика не слышал его свиста, поэтому не испугался, а удивился, когда в поле взметнулась чёрная земля. Автомобили прибавили скорость. То в поле, то на дороге взрывались снаряды. На счастье, дорога спустилась в овраг. Вражеские наблюдатели теперь не видели автомобилей, и обстрел прекратился.

Овраг был широкий, глубокий, с крутыми склонами. По нему, как по безопасному туннелю, шли к передовой солдаты, ехали автомобили — с пушками, со снарядами, с кухнями и хлебом. В обратную сторону тягач тащил танк со сбитой башней. Лошадь, запряжённая в двуколку, везла раненых; они лежали неподвижно, их головы были забинтованы.

Михаил Ананьев. *Бой артиллеристов у деревни Елья*

«Вот если меня так ранят или убьют?.. — подумал Борис. — Когда мама узнает, что меня убили, будет долго плакать».

Низко над оврагом, с рёвом мотора и стуком пулемётов, пронёсся «мессершмитт» — вражеский истребитель. По нему дали очередь наши пулемёты, замаскированные на откосе. Тут же появился истребитель с красными звёздами. Погнался за врагом.

Так и ехали миномётчики. Без происшествий. Артиллерийский обстрел, обстрел с самолёта — обычное дело на войне.

Остановились в низине, поросшей кустами.

От низины начинался подъём на широкий бугор. Скат бугра был жёлтым пшеничным полем. С вершины слышались частая стрельба, гулкие взрывы. Там шёл бой.

Миномётчики дружно сняли с грузовиков пусковые станки. Поставили на земле. Сгрузили эрэсы. Потасили их, тяжёленные, к станкам. Когда уехал последний грузовик, гвардейские миномёты были готовы к залпу.

Бой на бугре то затихал, судя по стрельбе, то снова разгорался. А что там было и как? Солнце видело, что и как. Оно поднялось совсем высоко.

Было жарко. Ни дуновения ветерка. Но вдруг пшеница на дальнем краю поля заколыхалась. Будто там пронёсся ветер. Он дул, качал пшеницу сильнее и сильнее. Вглядев-

шись, Борис увидел нестройные линии пехотинцев. Это они, а не ветер, качали пшеницу, спускаясь с бугра всё ниже и ниже. «Отступают!» — догадался Борис и испугался своей догадки.

Но в это время заревели огненные струи, вырываясь из эрэсов. Дивизион гвардейских миномётов ударил по врагу. Чертя дымные дуги, ракетные снаряды полетели за бугор. За бугром ухнуло — первый эрэс, самый быстрый, самый нетерпеливый, грохнулся на фашистов. Следом ухнул ещё один. И замолотило, заколотило по земле.

Пехотинцы остановились, удивлённые. Кто-то крикнул. Кто-то подбросил вверх пилотку. И все побежали на бугор, к его вершине, только что оставленной.

— Гвардейцы, за мной! — услышал Борис голос командира батареи. — Поможем ещё пехоте! В атаку!

Не видя, кто рядом, но чувствуя товарищей, солдат Михайлов побежал, огибая кусты, перепрыгивая кочки. Он влетел в пшеницу, запутался в ней сапогами. Но скоро приноровился, раздвигая её, как купальщик воду. В эти минуты он забыл обо всём. Знал только, что надо бежать и бежать вперёд. И не было у него страха ни перед чем.

Михаил Ананьев. Львовско-Сандомирская операция

Когда Борис добежал до верхушки бугра, там пехотинцев уже не было. Они спускались по другому скату, преследуя врагов. Только один — молоденький, как Борис, — сидел на краю траншеи.

— Гвардейцы с нами... Гвардейцы с нами... — повторял он тихо.

Борис подумал, что солдата оставили передать им благодарность за помощь. Но вдруг понял, что солдат ранен, а слова «гвардейцы с нами» он кричал или шептал, когда пехота остановилась в пшенице и увидела над собой следы грозных эрэсов.

— Куда ранило? — спросил Борис. — Больно?

— В плечо. Больно! — ответил пехотинец.

Борис Михайлов никогда ещё не перевязывал раненых и удивился ловкости, с которой разрезал гимнастёрку и обнажил повреждённое плечо. Он быстро разорвал индивидуальный пакет и прибинтовал марлевую подушечку к плечу солдата. Тут появилась девушка с санитарной сумкой. Она

поправила повязку и повела солдата туда, где собирались раненые.

— Пойдём, миленький! Пойдём, хороший ты мой! — говорила она раненому.

...Дивизион двигался к новой стоянке, в рощу. Солнце клонилось к закату. Оно опять из-за пыльного облака смотрело на гвардейскую колонну. Не жаркое, не яркое, будто хвалило всех, кто одержал победу в бою за бугор, а по-военному — в бою за высоту. На этот раз пушки врага не обстреливали дорогу. Кругом было спокойно. Фашисты, бежав с высоты, бежали и с соседних участков фронта.

Как приехали на место, Борис пошёл в штабную землянку к писарю отдать письмо. Перед землянкой он остановился, развернул треугольничек, перечитал его:

«Милая мамочка! Я жив-здоров. Кормят сытно. Погода тёплая. Стоим в лесу. Обо мне не беспокойся. Мы сейчас отдыхаем. Крепко обнимаю и крепко-крепко целую. Твой Боря».

Борис всегда, с малых лет, говорил маме только правду. И, перечитав письмо, подумал, что надо переписать его. Но, если рассказать всё, что было за день, мама сильно встревожится, не успокоится до следующего письма. И он отдал треугольничек писарю — без поправок. Да и неправды в письме ведь не было. Они, гвардейцы, на самом деле отдыхали сейчас в лесу, и вечер был тёплый. А он, Борис, действительно жив и здоров.

Отпуск на четыре часа

Солдату чаще всего приходилось воевать вдали от дома. Дом у него в горах на Кавказе, а он воюет в степях на Украине. Дом в степи, а он воюет в тундре, у холодного моря. Место, где воевать, никто сам себе не выбирал. Однако бывало, что солдат защищал или отбивал у врага свой родной город, свою родную деревню. В родных краях оказался и Василий Плотников. После того, как закончился бой и фашисты отступили, солдат попросил у командира разрешение — сходить в деревню Яблонцы. Там его дом. Там остались жена с маленькой дочкой и старенькая мама. До Яблонцев всего-то десяток километров.

— Хорошо, — сказал командир. — Даю вам, рядовой Плотников, отпуск на четыре часа. Возвращайтесь без опоздания. Сейчас одиннадцать, а в пятнадцать придут грузовики и повезут нас вдогонку за фашистами.

Товарищи Плотникова принесли свои продовольственные запасы — консервы, сухари, сахар. Всё сложили ему в вещевой мешок. Пусть угостит семью. Дары не велики, но ведь от всего сердца! Они немного завидовали Плотнико-

Виктор Дмитриевский. *Уходил солдат на войну*

ву. Шутка ли — два года не видел родных, ничего не знал о семье, а теперь — скорое свидание. Правда, солдаты думали и о том, что жена Плотникова, и маленькая дочка, и старенькая мама могли погибнуть в фашистской неволе. Но печальные думы вслух не высказывали.

А Василий Плотников сам об этом думал. И поэтому радость его была тревожная. Он сказал товарищам только одно слово: «Спасибо!», надел на плечи лямки вещевого мешка, на шею повесил автомат и зашагал напрямик через поле, через лесок к Яблонцам.

Деревня Яблонцы была небольшая, но уж очень красивая. Она часто снилась солдату Плотникову.

Под высокими старыми вѣтлами, как под зелѣным шатром, в прохладной тени стояли крепкие дома — с резными крылечками, с чистыми скамеечками перед окнами. За домами были огороды. И всё росло в этих огородах: жѣлтая репа, красная морковь, тыквы, похожие на кожаные мячи, подсолнухи, похожие на латунные, начищенные до блеска тазы, в которых варят варенье. А за огородами стояли сады. Зрели в них яблоки — какие только пожелаешь! Сладко-кислые грушочки, сладкие, как мѣд, терентьевки и самые лучшие на всѣм свете антоновские яблоки. Осенью, когда замачивали антоновку в бочонках, когда укладывали в ящики для зимнего хранения, перестилая слои ржаной соломой, всё в Яблонцах пахло яблоками. Ветер, пролетая над деревней, пропитывался этим запахом и разносил его далеко по округе. И люди — прохожие ли, проезжие, чей путь был

Аркадий Пластов. *Фашист пролетел*

Александр Романычев. *Отчий дом*

в стороне от Яблонцев, — сворачивали с дороги, заходили, заезжали туда, наедались яблоками вдоволь, с собой захватывали. Щедрая была деревня, добрая. Как-то она теперь?

Василий Плотников торопился. Чем скорее дойдёт до деревни, тем больше времени будет на свидание с родными. Все тропки, все дорожки, все овражки и бугорки были известны ему с детства. И вот через час с небольшим увидел он с высокого места Яблонцы. Увидел. Остановился. Глядел.

Не было над Яблонцами зелёного шатра. Вместо него была растянута в небе чёрная изорванная паутина:

листья на высоких вѣтлах сгорели, ветки тоже сгорели, а сучья обуглились, они-то и расчертили небо чёрной паутиной.

Сердце у солдата Василия Плотникова сжалось, заболело. Что было сил он побежал к деревне. Словно хотел чем-то помочь своим Яблонцам. А помочь ничем уже было нельзя. Стали Яблонцы пепелищем. Прокалённая земля была засыпана серой, как дорожная пыль, золой, усеяна головешками. Среди этого праха стояли закопчённые печи с высокими трубами. Непривычно и жутко было видеть кирпичные трубы такой высоты. Прежде-то их закрывали крыши, и никто их такими не видел. Печи казались живыми существами, какими-то огромными птицами, тянувшими длинные шеи в пустое небо. Птицы хотели взлететь в страшную минуту, но не успели и остались, окаменевшие, на месте.

Дом Василия Плотникова до пожара стоял в середине деревни. Солдат легко отыскал и узнал свою печку. Сквозь копоть просвечивала побелка. Он сам белил печку перед тем, как уйти на войну. Тогда же сделал много другой работы вокруг дома — чтобы жене, матери и дочке жилось полегче. «Где же они теперь? Что с ними стало?»

«Деревня погибла в огне, — рассуждал Василий Плотников. — Если бы её бомбили или обстреливали, непременно какие-то печи развалились бы, трубы обрушились бы...» И появилась у него надежда, что жители Яблонцев спаслись, ушли до пожара куда-нибудь в леса.

Он ходил по пепелищу, отыскивал железные остатки дома — дверные ручки, крючки, большие гвозди. Находил всё это, покрытое бурой окалиной, брал в руки, разглядывал — как бы спрашивал о судьбе хозяев. Ответа не было.

Плотников представил себе, как нагрянула в Яблонцы команда фашистов, особая команда. Они выскочили из грузовиков с канистрами бензина. Обливали бензином стены. А потом шёл фашист-факельщик. И поджигал дома — один за другим. С начала и до конца поджёг всю деревню. И в это же время, а может, чуть раньше или чуть позже, вражеский танк проехал по садам, ломая яблони, вминая их в землю...

Тысячи деревень уничтожили фашисты подобным образом при отступлении.

Солдат собрал грудкой кирпичи, сдул с них золу, сел. И так, сидя, не сняв вещевой мешок и автомат, думал горькую думу. Он не сразу почувствовал, что кто-то прикасается к голенищу сапога. Вернее, лёгкие толчки он чувствовал, но не обращал внимания, ведь вокруг ни живой души. А когда посмотрел на сапоги, увидел кошку — серую с белой грудкой, свою кошку Дунюшку.

— Дунюшка! Ты откуда тут, Дунюшка?

Он взял её под живот растопыренной пятернёй, посадил на колени и стал гладить.

Дунюшка прижалась плотнее к хозяину, закрыла глаза, замурлыкала. Мурлыкала тихо, спокойно. Неторопливо повторяла на вдохе и выдохе однообразные звуки, словно горошинки перекатывала. И показалось Плотникову, что кошка знает, как трудно на войне людям, как тяжело у него на сердце. Знает она и о том, где жена солдата, дочка и мать. Они живы, укрылись в лесу от фашистов, а главная их печаль — не о сгоревшем доме, а о нём. Жив ли он, солдат Василий Плотников? Если жив, то и они проживут. Вот увидят, что нет фашистов, что Советская Армия прогнала их, и придут из леса в деревню. Выкопают на зиму землянку. Будут терпеливо ждать конца войны, возвращения солдат. Солдаты вернутся, построят всё новое. И сады посадят...

— Где же ты была, Дунюшка, когда Яблонцы горели? И как же сильно любишь ты свой дом, если не уходишь от него, сгоревшего?

Кошка слушала человеческий голос и всё вела свою песенку — не громче, не тише, не быстрее, не медленнее, словно уговаривала солдата не печалиться без меры.

...Время шло. Пора было возвращаться в часть. Солдат крошил кошке в обломок глиняной миски хлебушка. Вещевой мешок с продуктами положил в печку и закрыл заслонкой. Потом горелым гвоздем выцарапал на печке:

«Я живой. Дома вас не застал. Пишите. Полевая почта 35 769. В. Плотников».

Кошка доела хлеб. Подобрала еду до последней крошечки. Сидя у глиняного черепка, принялась умываться — лизала лапку розовым языком, лапкой тёрла мордочку. «Хорошая примета, — подумал солдат. — Это — к гостям. Кошка гостей замывает. А кто гости? Конечно, жена, дочка и мама — хозяйки сгоревшего дома». От такой мысли стало солдату полегче. И пришли другие мысли: как сядет он с товарищами в грузовик, как нагонят фашистов и начнут новый бой. Будет он стрелять из автомата, бросать гранаты, а если кончатся боеприпасы, убьёт фашиста простым кулаком...

Эльмира Петрова. *Письмо*

— Ну, прощай, Дунюшка! Мне пора. Как бы без меня не уехали.

Кошка посмотрела в глаза хозяину. Встала. И, когда он зашагал по пепелищу, побежала рядом. Бежала довольно долго. Остановилась за обгоревшими вёслами, на зелёном бугорке. Оттуда провожала солдата взглядом. Солдат оборачивался, каждый раз видел на зелёном бугорке серый комочек с белым пятнышком.

...Войска, в которых был батальон Василия Плотникова, наступали очень хорошо, гнали и гнали фашистов. Письмо из дома он получил, когда от Яблонцев ушли на целые полтысячи километров.

Борис Котик. Форсирование Одера

Носов и Назе

Пришло третье, счастливое для нас лето. Фашистские войска отступали. По дорогам с фронта в тыл брели вереницы пленных. А к фронту тягачи тащили пушки; застилая дорогу синим дымом, ехали танки; скакали кавалеристы с шашками и автоматами, шагали пехотинцы, увешанные оружием. Войска спешили, чтобы сменить товарищей, уставших в бою.

Привалы у них были короткие — только воды из колодца напиться, а пехоте ещё перемотать портянки, сбившиеся в пути.

На такой короткий привал в деревне Новосёлки остановился пехотный батальон. Солдат сразу облепили ребятишки: худые, шеи у всех тонкие, а глаза от голода и пережитых мучений большие-большие. Рады были ребятишки своим сол-

датам, ну и рассчитывали что-нибудь вкусенькое получить.

Пехоту об этом просить не надо, пехота сама догадливая. Развязали бойцы вещевые мешки, начали оделять кусочками сахара, ржаными сухарями. А солдат, у которого была полная грудь орден, снял орден Славы и приколот его на рубашку одному мальчишке.

— По глазам вижу: человек ты бедовый, — сказал солдат. — Понеси-ка награду немного. Мамке своей пойдй покажись... Ух, какой ты теперь красавец!

— Петьке орден повесили! — закричали ребяташки. А мальчишка побежал в дом. Вернулся он скоро с матерью. Мать вела его за руку и через каждые два шага шлёпала по мягкому месту.

— Отдай сейчас же, у кого взял!.. — приговаривала она.

— За что вы его? — удивился солдат.

— Да ведь измучил озорством, — ответила женщина и вдруг заплакала. — Столько страху за него при немцах натерпелась.

Фашисты, когда заняли Новосёлки, выбросили из школы парты и устроили в классах комендатуру. В учительской поселился сам комендант герр Назе.

По-русски «назе» — «нос». И комендант приказал жителям звать его господином Носовым.

Немец был тощий, длинный, морщинистый, как палка из старого забора. Воевать он не годился. Но на своём месте фашистам служил хорошо. Его солдаты постепенно отобрали у людей коров, овец, свиней, зерно и всё от-

правили в Германию. Жить в Новосёлках стало голодно. Осталась на еду одна картошка.

Зимой к голоду прибавился холод. Господин Носов запретил крестьянам ходить в лес за дровами: вдруг они там будут встречаться с партизанами?

Назе партизан очень боялся. Партизаны подбирались к врагу тихо, незаметно. Словно гром среди ясного неба, грохотали их гранаты, будто внезапный дождь, хлестали пули. Не одну комендатуру уничтожили таким образом партизаны. Когда-то должна была дойти очередь и до Новосёлок...

Немец знал, что в Новосёлках живёт настоящий Носов, русский. Это был Петя, мальчишка, который сидел сейчас на коленях у солдата. Комендант, встретив мальчугана на улице, щипал его за нос холодными пальцами, подмигивал морщинистым веком и говорил:

Аркадий Пластов. *Партизаны в лесу*

— Здорово, Нософ!

Так он показывал своё расположение к однофамильцу. Назе не догадывался, какой сюрприз преподнесёт ему маленький Носов.

Да и сам Петя не знал, что вскоре случится.

Школа не работала. В нетопленных избах сидеть скучно. Целые дни новосёлковские ребята были на улице, катались с горы на санках.

Гора в деревне была хорошая. Начиналась она от кузницы и круто уходила к речке. Лететь с такого спуска на санках — одно удовольствие: ветер свистит в ушах, дымом клубится снег из-под полозьев...

Одно плохо — таскать санки на гору. Слабенькие были тогда ребята, голодали они. Как-то под вечер, взобравшись наверх, Петя Носов не захотел съезжать с горы. А другие ребята поехали, и остался он один. Принялся Петя тогда со скуки искать себе какое-нибудь дело. Нашёл, конечно. На глаза ему попала жнейка⁶. Когда ещё не было войны, привезли её к кузнице на ремонт да так и не успели починить. Пришло в голову нашему Носову спустить эту жнейку под гору. Одному такое не осилить, Носов дождался дружков. Всем миром они отодрали примёрзшие колёса и пустили жнейку вниз.

Понеслась жнейка. Завертели её крылья. Затрещал механизм. Зимой воздух чистый, далеко слышно на морозе. Треск этот разнёсся по деревне долгой автоматной очередью. Кто-то из фашистов, бывших в то время на улице, испугался, крикнул:

— Партизаны! — И выстрелил в воздух.

Тут ему второй на другом конце деревни ответил. И началось! Пошла пальба. Так продолжалось, пока шофёр заводил автомобиль. Повскакали немцы в кузов грузовика, Назе в кабину прыгнул, и умчались из деревни в соседний городок, где немецкий гарнизон был большой.

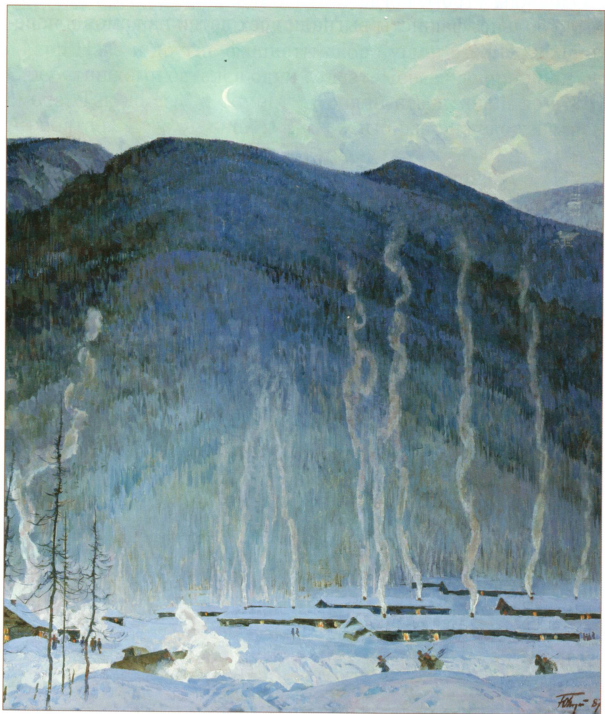
⁶ Жнейка — машина для скашивания пшеницы, ржи, ячменя.

Целую ночь и ещё полдня Новосёлки были свободными от врага.

Герр Назе вернулся со своими солдатами к вечеру. Люди в деревне ждали расправы. Ребятишек по домам заперли. Больше всех боялась Петина мать. Она думала, что фашис-

Юрий Подляский. *Морозное утро*

ты убьют мальчика. И, жалея сына, обливаясь слезами от жалости и любви к нему, сама как следует выпорола.

А герр Назе вёл себя так, будто ничего и не случилось. Стыдно было ему за свою трусость и за трусость подчинённых.

Но он не был бы офицером германской армии, если бы оставил дело без последствий.

Однажды утром, когда стоял такой мороз, что и дохнуть было больно, фашисты выгнали всех детей из домов и повели их к речке.

Назе приказал детям вкатить жнейку на гору.

— Германское командование не может терпеть беспорядка, — объяснил он жителям свой приказ.

Ребятишкам такое занятие вначале показалось весёлым. Бойко покатали они жнейку в гору. Кричали, смеялись над теми, кто падал. Но скоро устали, остановились. И на месте удержать машину не смогли. Жнейка скатилась на прежнее место. Хорошо, успели горемыки разбежаться в стороны, иначе раздавило бы кого-нибудь.

Герр Назе и другие фашисты скоро ушли в комендатуру. С ребятишками остался один солдат. Через час пришла ему смена. Так до самой темноты меняли немцы один другого. А ребята всё везли жнейку. И каждый раз она скатывалась к реке.

Матери издали смотрели на мучение детишек. Герр Назе провёл на снегу черту, за которую они не смели переступить: нарушение приказа каралось расстрелом.

На другое утро приказано было тащить жнейку женщинам. С помощью ломов и верёвок они с трудом вытянули машину к кузнице.

Всю зиму просидели ребята в домах. Весной осмелели, на улицу стали выходить, на солнышко. И всё ждали и ждали, когда Советская Армия прогонит врага.

Так закончила свой рассказ женщина.

А вдоль деревни, сторонясь отдохавших пехотинцев, брела вереница пленных. Поравнявшись с солдатом, мальчиком и женщиной, немцы ещё ниже опускали глаза.

Из-за того, что дорогу заняли пленные, привал у пехотинцев получился больше, чем полагалось. И, как только проехал на коне наш боец, замыкавший колонну немцев, солдаты мигом вскинули за плечи вещевые мешки, надели скатки⁷, поправили на груди автоматы, подтянули ремни, построились повзводно и зашагали широким шагом. Петя с матерью и все ребятишки на прощание махали им руками.

⁷ Скатка — солдатская шинель, свернутая в кольцо для ношения через плечо.

Иван Владимиров

Разгром немецкого карательного отряда в 1942 году

Лошади

Всю зиму лётчики летали над белой землёй. Но вот наступила весна, вылезли из почек листья, потянулись к солнцу травинки, и вся земля стала зелёной. Было необычно и радостно смотреть сверху на такую красоту.

Весеннее небо заполнилось стаями птиц. Лебеди, журавли, гуси шли в треугольном строю. А маленькие птицы летели в беспорядке, поближе друг к другу, часто взмахивая крылышками.

Все торопились с юга на север, к родным рощам, болотцам, луговинкам.

Дороги птичьих стай пересекались в небе с дорогами самолётов. В одно утро капитан Блинов чуть не врезался на своём штурмовике в стаю скворцов. Каким-то чудом он успел взмыть над пичугами и не причинил им вреда, уберёг от удара крыльями и пропеллером.

Блинов издали бы заметил птиц, если бы не был сильно расстроен. Десятью минутами раньше увидел он с самолёта женщин в поле. Четыре женщины тащили на себе плуг,

Алексей и Сергей Ткачевы. *Русское поле. Лихолетье*

впряглись в него вместо лошадей. А подросток-мальчик держал плуг за ручки. За пахарями тянулась тонкая, как нитка, борозда...

Жалея женщин на горькой пашне, капитан жалел и птиц. «Как же напугались скворцы-бедняги! — размышлял он. — Как им трудно! И холод, и ветер, и дожди случались в дороге. А тут ещё война. Не одну сотню километров пролетели птицы над фронтом, слышали взрывы, видели вспышки огня. Надеются скворцы долететь до своих скворечников, отдохнуть. А целы ли скворечники? Скорей всего, сгорели вместе с домами и деревенскими вёслами».

Так вот, думая о горе людей и птиц, капитан Блинов пересёк линию фронта. Он углубился в немецкий тыл, на малой высоте подлетел, как подкрался, к шоссе, по которой шло подкрепление фашистам, и ударил бомбами

в танки и автомобили. Потом он развернулся и напал на врага снова — выпустил по нему все снаряды, которые были в пушках, и все пули, которые были в пулемётах.

Возвращаясь на аэродром, Блинов опять оглядел поле. Там к первой борозде прибавилась ещё одна. Женщины начинали третью. Впору было посадить самолёт рядом с ними, самому перекинуть через грудь лямку плуга и тащить его, взрывая борозду. А женщины пусть бы клали в землю картофелины или сеяли зерно — делали бы работу, которая по силам человеку.

Но капитану Блинову нельзя было опускаться на поле. Он сел, как полагается, на аэродроме. Техники быстро осмотрели самолёт, залили в баки бензин, подвесили бомбы, заменили пулемётные ленты. Штурмовик снова полетел в бой.

Как и утром, лётчик бомбил и обстреливал врага на шоссе. Только подкрался с другой стороны, откуда его не ждали.

Александр Романович. *Хлеборобы*

Александр Дейнека. *Бомбовоз*

На шоссе опять началась паника, вспыхнули грузовики, танки. По самолёту ударили длинными очередями зенитные пулемёты.

Блинов благополучно вышел из зоны обстрела и полетел домой.

Так бывает, если чего-то захочешь очень сильно, желание сбудется — даже самое, казалось бы, несбыточное. А желание у капитана Блинова сейчас было одно: достать лошадь, чтобы запрячь её в плуг... До линии фронта, за которой располагался наш аэродром, оставалось километров пять, как вдруг капитан Блинов увидел кавалерийскую часть неприятеля. Она шла на рысях по широкому лугу, направляясь к недалёкому леску. Не всадников увидел раньше лётчик. Раньше увидел он лошадей, на которых те сидели. Лошади были рослые, сытые. Их спины блестели на солнце, будто покрытые лаком. Впереди скакали гнедые, за ними пегие, потом вороные, потом белые!..

Каждая рота имела лошадей особой масти.

У капитана не было ни снаряда, ни патрона — всё он истратил на шоссе. Лётчик прицелился в конец колонны всем самолётом и, опустившись чуть ли не до самой земли, взревев мотором, пронёсся над всадниками. Ураганным ветром

вздыбило конские гривы, с немцев сшибло фуражки. В страхе солдаты бросились прочь с лошадей. А лошади понеслись по лугу.

Когда капитан Блинов сделал разворот и вернулся к месту своего необычного сражения, он увидел, что кавалеристы пытаются поймать лошадей.

— Быть вам, голубчики, теперь пехотой! — закричал капитан Блинов. — Хватит, покатались. Учитесь пешком ходить!

Немцы, конечно, не могли его услышать. Он сам-то не слышал собственного голоса в рёве мотора. Он кричал от радости, оттого, что всё так здорово получается. Кавалеристы начали стрелять в штурмовик из винтовок. Но лётчик сно-

ва — в этот раз как можно тише — спикировал на табун лошадей, направляя его в сторону переднего края, туда, где были немецкие и наши траншеи.

Штурмовик ещё трижды падал с неба на лошадей. Потом Блинов увидел, как дикой, неуправляемой лавиной табун пронёсся над траншеями, над окопами и укрытиями. Лошадина атака застала врасплох и немцев, и наших. Она длилась короткие минуты, и никто — ни у врага, ни у нас — ничего сразу не понял. Зато капитан Блинов понял, что все лошади теперь наши и пехота, когда лошади успокоятся, без хлопот поймает их.

На аэродроме капитан Блинов доложил командиру о том, как воевал. Потом вынул из планшета листок бумаги и стал писать. Пока техники готовили самолёт к новому вылету, заправляли его бензином, снарядами, патронами, бомбами, он написал вот что:

«Многоуважаемая пехота!

Сегодня около 12.00 я перегнал в наше расположение из-за линии фронта коней. Прошу подателям этой записки выдать 10 самых сильных. У них фашисты всё раз-

грабили. Лошадей забрали. Пашут на себе. С воздушным приветом капитан Блинов».

Капитану нужно было лететь на штурмовку. Он попросил техника сходить в деревню, где жили те женщины, передать им записку и объяснить, как добраться к пехотинцам. Техник обещал всё сделать.

Прошло несколько дней, и капитан увидел на своём поле пять упряжек лошадей. Лошади широко шагали по чёрной земле, тащили плуги и бороны. В поле было много народу. Ребятишки были там. Все бросили работу, замахали руками, когда штурмовик начал кругами ходить над пашней. Блинову хотелось опуститься пониже, чтобы получше разглядеть, как люди пашут. Но он подумал, что лошади узнают страшный штурмовик, вспомнят, как он гнал их по лугу, опять испугаются, опять побегут. Блинов поднял самолёт выше, покачал крыльями в знак привета и полетел бомбить фашистов.

Василий Ерофеев. *Возвращение Ивана*

Серьги для ослика

Морские пехотинцы держали оборону в горах. Одно отделение устроилось очень складно: заняло место среди отвесных скал. Снизу фашистам взобраться на эти скалы было почти невозможно. Правда, часто прилетал к скалам бомбардировщик, бросал бомбы. Но бойцы прятались в пещеру. И бомбы не причиняли вреда, только дробили камень. Облако каменной пыли часами стояло над позицией отделения. Дышать каменной пылью было трудно, она скрипела на зубах, засоряла глаза. Но это — не самое тяжёлое на войне. Такое можно стерпеть и нужно было стерпеть. Ведь отделение под огнём своего оружия держало дорогу, по которой передвигались фашисты. И многих врагов настигала там гибель.

Хороша была позиция. Одно было там плохо — ни ручейка, ни родничка. А знойным летом, когда солнце раскаляет скалы так, что камень жжётся, пить ох как хочется. Воду бойцы ценили на вес золота. Да что золото! Если человек не жаден, не тщеславен, он прекрасно живёт без золота. А вот без воды прожить нельзя. Вода в скалах отмерялась строгой мерой. И только для питья. На умывание — ни капли.

Однако, по прошествии некоторого времени, наладилось и с водой. Как-то матрос Шалва Давижба, ходивший за про-

Николай Дубовской. *Дорога в горах*

дуктами в хозяйственную роту, увидел неподалёку от её расположения ослика. Ослик стоял в тени густого дерева, побрыкивал ногами, помахивал хвостом, встряхивал ушами — отгонял мух. Оказалось, что иного дела у него нет. Он ничей. Остался из-за войны без хозяина. Давижба привёл ослика к кухне и накормил так вкусно, так сытно, как ослику и не снилось. Потом навьючил на него два термоса с ключевой водой, себе на спину взвалил меток с продуктами. И оба пошагали узкой тропинкой вверх, в скалы.

Всё отделение во главе с командиром обрадовалось появлению помощника. А Шалва Давижба сказал, что это ещё цветочки. Ягодки будут впереди. Надо только не поскупиться и накормить ослика в отделении не хуже, чем откушал он в хозяйственной роте. Загадочный совет Шалвы никто не понял, но моряки были щедрыми. И ослик, улёт-

шись в тени большого камня, всем видом показал, что ему тут нравится.

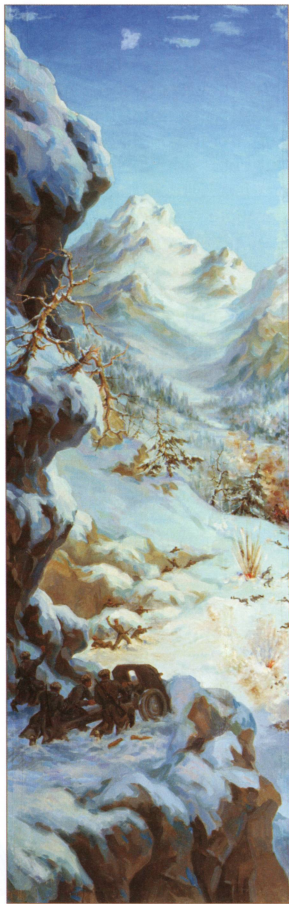
К вечеру, когда жара начала спадать, Шалва Давиджба навьючил на ослика пустые термосы и повёл его вниз по тропинке — в хозяйственную роту. Там, хотя ноша на этот раз была пустяковой, ослик снова получил вкусную еду.

Всю ночь ослик пасся у ручья. А утром моряк опять навьючил на него воду, снова повёл в скалы... Это только так говорят, что ослы глупые. Во всяком случае, тот ослик довольно скоро сообразил: за каждый рейс он получит немалое вознаграждение. И стал один, без провожатого, как самый исполнительный работник, носить воду в скалы и возвращаться с пустыми термосами в хозяйственную роту.

Моряки полюбили ослика. Назвали его Яша.

На войне всё переменчиво. Сегодня хорошо, а завтра вдруг и случится что-нибудь плохое. В один из дней пришёл Яша в скалы с окровавленной головой. Моряки быстро сня-

ли с него поклажу. Прибежал санитар с медицинской сумкой. Оказалось, опасной раны нет. Прострелены навывлет винтовочной пулей оба уха. Из этих ранок и текла кровь. Санитар забинтовал Яшины уши бинтами. Печальный лежал ослик у своего камня. Он ослаб от потери крови, и уши болели.

К вечеру, когда подошло время спускаться в хозяйственную роту, Давижба принёс ослику еды — чтобы Яша остался на месте.

Ослик поел немного, а потом подошёл к термосам и встал, ожидая, когда его навьючат.

— Ну, Яшка! — удивились и растрогались морские пехотинцы. — Ты и раненый не покидаешь поле боя!

— Что делать? — спросил Шалва Давижба у командира отделения. — Привязать его? Или пусть идёт?

— Пусть идёт, — сказал командир. — Но раньше пусть пойдёт на тропу Иван Рубахин. Это ведь немецкий

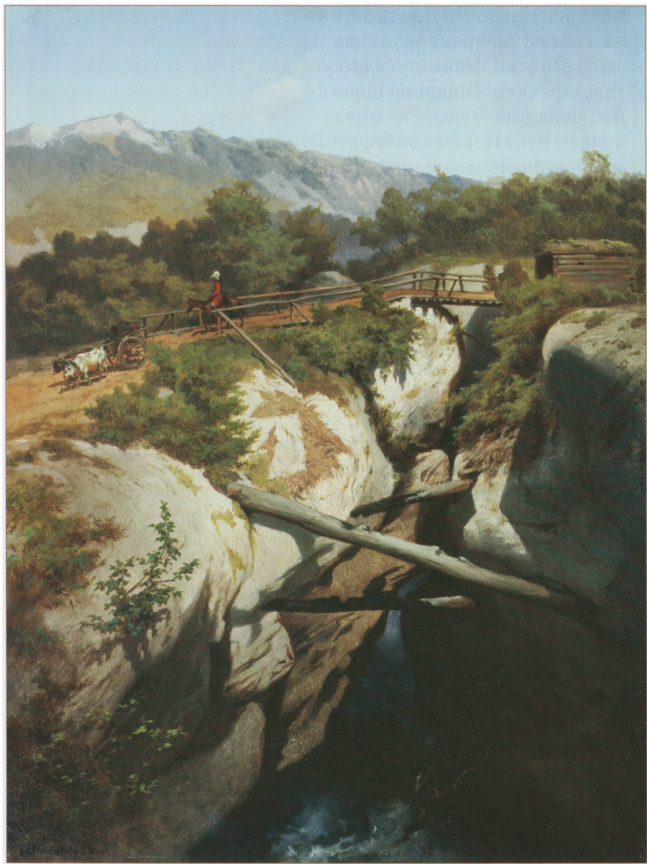
Неизвестный художник
Атака в горах

снайпер стрелял в Яшу. Меткий стрелок, однако. Яшу-то из-за камней на тропе не видно. Но в каком-то месте высунулись его уши. На минуту высунулись, а тот всё же успел их продырявить. Теперь фашист не успокоится, пока не застрелит осла.

Иван Рубахин был сибирский охотник. Он стрелял просто замечательно и умел подкрадываться к зверю так осторожно, что зверь ни о чём не догадывался. Наш снайпер обследовал тропу и защитную стенку, сложенную из камней вдоль тропы, и нашёл место, где высунулись Яшины уши. После этого в бинокль осмотрел горы и определил, откуда мог стрелять, где прятался вражеский снайпер. Три места показались подозрительными. Иван Рубахин приготовился к поединку. Солнце светило нашему моряку в затылок, врагу — в лицо. Как только враг приложится к своей винтовке, стёклышко её оптического прицела блеснёт под солнечным лучом. Этим враг и выдаст себя.

Иван Рубахин слушал, как стучат по камням копытца Яши. Вот они простучали за его спиной. Через секунду-две ослик окажется у опасного места.

Константин Филиппов. *Мостик в горах*

Виктор Дмитриевский. *На Дукле*

Часть его головы будет видна немцу. Секунда прошла. Вдали, в низком кустике, блеснуло на солнце стекло. Рубахин нажал на спусковой крючок...

Выстрел не испугал ослика. Но он остановился как бы в недоумении. Насторожил уши в белых бинтах.

Иван Рубахин поднялся во весь рост, подошёл к ослику, потрепал по шее:

— Ну, друг, иди спокойно. Он больше стрелять не будет...

Яшины уши зажили, освободились от бинтов. Но остались в них дырочки. Однажды кто-то украсил Яшины уши ромашками, вставил в дырки по цветку.

Морские пехотинцы шутили:

— Яша у нас — модник. Уши нарочно подставил под выстрел, чтоб дырки были, куда серьги вешать.

— А что, морячки, не раздобыть ли для Яши украшения подороже?

— Неужели морская пехота не отблагодарит Яшу как надо?

Николай Дубовской. Сумерки в горах

— Морская пехота должником не была и не будет. Жди, Яша, подарок.

После таких разговоров прошло немного времени, и моряки выполнили обещание.

У фашистов были специальные войска — горные егеря. Они поднимались на скалы, спускались в пропасти, ходили по ледникам, как настоящие альпинисты. И вот два горных егеря, два фашиста-альпиниста, начали подниматься по совершенно отвесной скале, чтобы забросать наших бойцов гранатами. Враги не знали, что моряки уже обнаружили их, следят за ними. Они всё карабкались вверх. Когда оба егеря висели на верёвке высоко над пропастью, Иван Рубахин показался из-за камней со снайперской винтовкой и приказал по-немецки:

— Оружие бросить в пропасть. Самим продолжить подъём. Егеря исполнили приказ беспрекословно.

Оба пленника имели железные кресты — фашистские ордена. Пленных отвели в штаб полка. А из железных крестов моряки сделали серьги для ослика.

Яша носил трофейные украшения до нашей победы в горах. Были и другие ослики в других подразделениях. А самой большой известностью пользовался Яша.

Петр Кривоногов. Победа

Иван и фрицы

Митя Корнев с тех пор, как пошёл на войну, воевал всё время в лесах да полях... За три лета и три зимы ни разу не ночевал под тёплой крышей. И вот теперь в первый раз оказался в городе. Не в простом — в Берлине, в столице фашистской Германии.

Небо над Берлином было дымное, пыльное. Солнце едва проглядывало сквозь снарядный дым и кирпичную пыль. Не переставая грохотало, гремело. Взрывались снаряды, бомбы.

Митя Корнев никак не мог привыкнуть к войне в городе. Укрывать пушки тут надо было по-особому: не за кустом, не за пригорком — за грудками кирпича, за углами домов.

Однажды пришлось даже втаскивать пушку в какой-то склад через пролом в стене и стрелять сквозь узкое окошко, как через амбразуру. И надо было всё время смотреть в оба: с крыши или из какого-нибудь окна фашисты могли пустить автоматную очередь по артиллеристам. Позади наших орудий стоял наполовину обвалившийся дом. Возможно, в нём прятался, дожидаясь момента, враг.

— Вот что, Корнев, — сказал Мите командир взвода, — огляди-ка это строение изнутри. Оно что-то мне не нравится...

Митя рассовал по карманам гранаты, поставил автомат на боевой взвод и пошёл выполнять приказ. По обрушенным лестницам, по пустым квартирам ходил таясь, стараясь ничем не зашуметь. Но, как всегда бывает, если не хочешь зашуметь, обязательно наткнёшься на что-либо. Так и Митя — зацепил ногой железный прут, торчавший из стены: кирпичная глыба, примыкавшая к лестнице, вдруг рухнула, с грохотом свалилась с верхнего этажа вниз. И снова всё стало спокойно в разрушенном доме. Только с улицы и с небес шёл несмолкаемый гул войны.

Излазив чердак и убедившись, что дом покинут всеми, Митя Корнев спустился вниз. И тут вдруг ему почудились какие-то другие звуки — совсем необычные для этих дней. Они шли, приглушённые и неясные, из-под груды вещей, сваленных в подъезде. Митя прислушался, звуки

Евгений Данилевский. *Штурм Берлина*

повторились. Были они слабые и такие жалобные, что сердце у него дрогнуло в предчувствии чего-то необычного и важного.

Закинув автомат за спину, он отбросил верхние узлы и увидел пещерку среди вещей. В ней, прижавшись друг к другу, лежали трое ребятишек — два совсем маленькие, года по четыре, третий лет семи. Худенькие, как тростинки. В сумраке подъезда были видны их бледные, осунувшиеся личики. Тот, что постарше, мгновенно вскочил, оттолкнув маленьких, и поднял руки вверх.

— Ты что? — проговорил Митя. Но слова у него не получились, застряли в горле. Так было ему обидно, досадно и горько, так было жалко несчастных мальчишек. — Опустить руки, — сказал он (на этот раз внятно, спокойно) и легонько тронул старшего.

Митя взял на руки маленьких. Кивнул старшему, чтобы не отставал. Зашагал, огибая кучи щебня, к орудиям.

Артиллеристы стояли у пушек, насторожённо смотрели вдоль улицы, уходившей в дымную, пыльную даль.

— Глядите-ка, Митька фрицев привёл! Трёх сразу! — воскликнул наводчик Митиной пушки.

Вениамин Сибирский. Диорама «Штурм Берлина»

Все оглянулись. Командир взвода, снова прикинув к прицелу, нетерпеливо выкрикнул:

— Корнев! Молодец! Пять минут срока — укрыть детей. Да понадежнее...

— Митька, за домом через улицу есть ещё обвалившийся дом. Там в подвале полно мирных немцев. Тащи ребят туда, — посоветовал наводчик.

Митя уже намеревался перейти улицу, как по ближнему столбу щёлкнуло и заныла, отскочив рикошетом, пуля. Был бы Митя один, он бы прошмыгнул через улицу. А теперь он был не один. Маленькие успокоились и пригрелись у него на руках, старший тоже поверил в его доброту, уже не раз на ходу брался ручонкой за его брюки. «Придёт русский Иван, — пугали фашисты берлинцев, — всем будет смерть». Митя и не догадывался, что старший, таясь под вещами, рисовал себе русского Ивана зубастым страшилищем, обросшим волосами.

В ближнем переулке взревел и мерно заработал танковый мотор. Митя поспешил туда. Танк выпускал густой дым.

Люки были открыты. Спереди из узкой щели смотрел на Митю чумазый водитель, из башенного люка — командир танка, усатый грузин, с большим горбатым носом. Опасаясь, что танк уйдёт сейчас, Митя взмолился:

— Привет танкистам от артиллерии! Перевезите ребят на ту сторону. Снайпер, собака, стреляет вдоль улицы.

— Давай! — командир танка улыбнулся так, что усы поднялись вверх, и протянул руки, чтобы принять детишек.

— Иван! Плёхо! Плёхо! — вдруг закричал старший мальчик и обнял Митины сапоги. — Иван! Иван! — повторял он, пока рыдания не заглушили слов.

Александр Сытов. *Встреча на Эльбе (Автограф на память)*

Маленькие с двух сторон обхватили Митину шею руками, и Митя почувствовал на своих щеках их беззвучные слезы.

— Боятся! Меня бояться... — сказал танкист. Со страшной злостью он сплюнул в сторону. — Ну, я им покажу нынче... — И стал вылезать из люка. — Лезь с ними, — сказал он Мите, — вези. И дай хлеба. И консервы дай. Они около водителя, в вещевом мешке. А этим я покажу нынче. До Гитлера доберусь. Что наделали, что наделали со своими детьми?

...Митя кричал по-русски у подвала, чтобы вышли, забрали ребят. Потом кричал по-немецки мальчик. Напуганные грохотом подошедшего танка, немцы долго не показывались. Наконец осмелились. Из-за тяжёлых дверей выглянули несколько женщин. Ребятишки стояли, взявшись за руки, между ними и танком. Пока танк не уехал.

Александр Самсонов. Парад Победы

Серия
Моя первая книга
А.В. Митяев
Письмо с фронта

Рассказы о Великой Отечественной войне

В книгу «Письмо с фронта» вошли рассказы Анатолия Васильевича Митяева, участника Великой Отечественной войны. Это не простая книга: вместе с героями мы переживаем трудности пути солдата-фронтовика к Победе. Мы сочувствуем юным солдатам, которые прямо на наших глазах становятся взрослыми. Для них война — тяжелая работа, и меньше всего они думают о героических поступках. Но, честно ее выполнив, вчерашние мальчишки становятся героями.

Издательство выражает благодарность всем художникам,
предоставившим слайды своих работ

Составитель Н. Астахова
Художник М. Лисогорский
Редактор Л. Жукова
Корректор О. Назимова
Компьютерная верстка: И. Ахметова
Сканирование: В. Тулин

ISBN 978-5-7793-1344-5

Издательство 111399, Москва, ул. Metallургов, д. 56/2
Тел.: (495) 305-26-50, 780-39-11
688-75-36, (812) 766-33-93
E-mail: belygorod@belygorod.ru

По вопросам приобретения книг
по издательским ценам обращайтесь по адресам:
105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская, д. 49а, корп. 10, стр. 2
Тел.: (495) 780-39-11, 780-39-12
111399, Москва, ул. Metallургов, д. 56/2
Тел. (495) 304-54-64
192007, Санкт-Петербург, ул. Тамбовская, д. 17, эт. 3
Тел.: (812) 766-33-93, 766-58-06
394018, Воронеж, ул. Станкевича, д. 1
Тел. (4732) 765-059

Полный ассортимент книг издательства «Белый город»
представлен на сайте: www.belygorod.ru

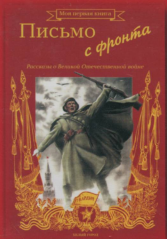
Вы можете заказать бесплатный каталог издательства «Белый город»
по тел.: (495) 304-43-38, 780-39-11

Отпечатано в Италии

Гарнитура QuantAntiquaC
Тираж 10000 экз.
Заказ №

На обложке: Н. Жуков. Плакат «Отстоим Москву»
На титульном листе: А. и С. Ткачевы. Дети мира
На стр. 2: А. Ткачев. Память о войне
На стр. 3: Е. Вучетич. Памятник-ансамбль героям Сталинградской битвы
на Мамеевом кургане в Волгограде
На стр. 6: Е. Вучетич. Памятник воину-освободителю в Берлине

© «Белый город»

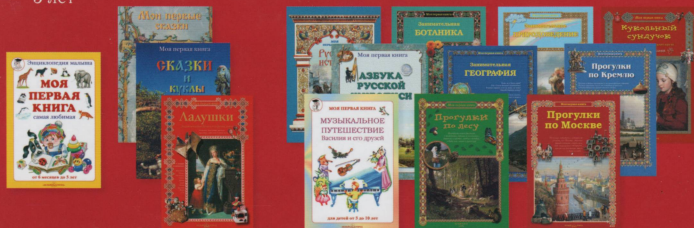
Книга «Письмо с фронта» Митяева Анатолия Васильевича — сборник рассказов о Великой Отечественной войне. Она предназначена детям младшего возраста для самостоятельного чтения. Автор — участник войны, проработавший четверть века в «Пионерской правде» и в «Мурзилке». Он хорошо знает запросы и возможности своих читателей. Рассказы, как теперь говорят, остросюжетны. Их герои зримы, у каждого свой особый характер. Действия разворачиваются в условиях фронтовой обстановки: тут и оружие того времени, и детали солдатского быта. Язык повествования чист и ясен. Особенность рассказов в том, что их завязка — не выдумка писателя, а реальное событие. Поскольку рассказы далеки от очерков и в них много авторского, действующим лицам автор дал имена и фамилии солдат своего взвода — в память о фронтовом товариществе.

Серия «Моя первая книга»:

от 6 мес. до 3 лет

от 1 года до 4 лет

от 3 до 9 лет

Книги для самостоятельного чтения:

ISBN 978-5-7793-1344-5

9 785779 313445